

О РОЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

(Доклад на фракции РКП(б) 8-го Съезда Советов
в Большом театре 30-го декабря 1920 г.)

Вопрос об отношении к профессиональным союзам в нашей большевистской партии не раз уже играл очень крупную роль и вызывал довольно существенные разногласия. Было время, когда наша партия даже раскололась отчасти именно по этому вопросу. Это было в годы контр-революции, когда от нашей партии отходила группа, называвшаяся тогда «отзовистами». «Отзовисты» требовали «отозвать» наших с.-д. депутатов из Государственной Думы и не признавали работы партии в профсоюзах и других легальных и полуполигальных рабочих организациях того времени. К группе отзовистов примыкали тогда и другие оттенки. И отчасти из-за того, что эта группа, уходящая от нас, не в состоянии была понять громадного значения и особого положения профессиональных союзов, произошел раскол.

Я хорошо знаю из своей практики, что и сейчас там и сям мы встречаем как в среде руководящих, так и среди рядовых товарищей недостаточно ясное понимание роли профессиональных союзов, а иногда и несколько недоброжелательное отношение к ним, некоторое проявление, я бы сказал, чувства ревности или злопамятства. Мелкие конфликты на местах между нашими партийными организациями, с одной стороны, и профсоюзами — с другой стороны, часто имеют подкладкой именно это непонимание. Одним из корней этого недоброжелательного отношения, которое кое-где замечается еще и сейчас, является наше партийное прошлое. Нам, большевикам, пришлось в течение долгих лет отвоевывать пядь за пядью позиции у меньшевиков. Большинство из вас, конечно, знает, что долгие годы профессиональные союзы с самого начала расхождения между нами и меньшеви-

ками были оплотом меньшевизма. Нам пришлось сначала в своей собственной фракции большевиков пробивать брешь, добиваться того, чтобы все до единого товарищи сознали необходимость отвоения профсоюзов.

Я помню, как в 1906 году, в Петербурге, наш Центр, который назывался тогда Большевикский Центр — БЦ (БЦ был в партийном отношении нелегальным органом и действовал внутри объединенного ЦК, где преобладали меньшевики) — впервые поставил вопрос о необходимости проникнуть во что бы то ни стало в эту последнюю меньшевистскую твердыню. В то время, когда меньшевики имели в профсоюзах уже очень солидную базу, мы были новичками в этом деле. Еще в 1906 году — я ясно вспоминаю это время — в самом БЦ (Большевистском Центре) не без борьбы было решено, что мы приступаем к этой работе. Мы организовали для начала нелегальное приложение к нашему тогдашнему органу «Пролетарий» ⁽¹⁾, посвященное вопросам профессионального движения; приложение это редактировали тогда тов. Калинин ⁽²⁾, я, Томский и будущий глава отзовистов А. А. Богданов ⁽³⁾ (известный автор «Эмпириомонизма», ныне в нашей партии не состоящий). В самом Петербурге уже при первых шагах нашей деятельности мы встретили серьезную оппозицию со стороны многих наших товарищей-большевиков, которые не понимали тогда, что вопрос о профессиональных союзах и о нашем преобладании в них является вопросом судеб нашей партии и судеб революции, которые не понимали, что союзы надо завоевывать изнутри и сблизить их с партией, а не ссориться с союзами и противопоставлять их партии.

В 1908 году, с победой столыпинщины, этот вопрос вызвал новую, гораздо более острую, борьбу среди большевиков, вызвал образование, как я уже говорил, отзовистской фракции, которая пыталась принципиально отвергать работу в профессиональных союзах. Мы пошли на борьбу с этим течением, не остановившись даже перед тем, что на время часть товарищей ушла от нас. Эта борьба продолжалась в течение нескольких лет и кончилась победой основного большевистского ядра.

И именно потому, что наше революционное большевистское крыло старой, общей с меньшевиками, партии не все сразу учло важность работы профессиональных союзов, профессиональные союзы так до октябрьских дней и оставались одной из важнейших баз меньшевизма, одной из последних меньшевистских кре-

постей, которая пала уже тогда, когда пала и буржуазная власть в России. Первая Всероссийская конференция профессиональных союзов после Февральской революции 1917 г. ⁽¹⁾ дала еще почти равенство нам и меньшевикам. Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, происходивший на переломе от 1917 к 1918 году, впервые дал большинство нам, но очень значительная часть еще и тогда принадлежала к меньшевикам.

Я прекрасно помню атмосферу на этом первом Всероссийском съезде, где мне привелось выступать докладчиком от нашей партии и где после Октябрьской революции почти половина членов съезда была еще настроена по-меньшевистски. На этом первом Всероссийском съезде профсоюзов, к слову сказать, мы в нашем докладе и в резолюции, принятой съездом, впервые выдвинули лозунг: с переходом власти в руки Советов центр тяжести работы профсоюзов переносится в организационно-хозяйственную область. Из этого видно, что мы были не из последних, кто понял необходимость выдвижения, как ныне выражаются, хозяйственников. Я напоминаю вкратце эту историю для того, чтобы теперь, когда возникают новые разногласия по вопросу о профессиональных союзах, мы отнеслись к ним со всей той серьезностью, какой этот вопрос заслуживает, чтобы мы помнили, что нашей партии приходилось на этом вопросе оставаться на высоте не раз, делать не раз трудно исправимые ошибки, которые мы ни в коем случае не имеем права повторить теперь.

Профессиональные союзы являются той организацией, где сейчас — не только в России, но и в международном масштабе — разрешается окончательно тяжба между социальной революцией, с одной стороны, и между буржуазией и социал-патриотами — с другой. Это теперь особенно ясно в международном масштабе — в тех странах, где у власти стоит буржуазия, и поскольку именниками являются социал-демократы-меньшевики. В международном масштабе сейчас не даром центр тяжести всей борьбы перенесен в область профессионального движения. Можно сказать без преувеличения, что девять десятых борьбы, которую ведет сейчас III Интернационал против всех его противников, в ближайшее время будет вестись в плоскости профессионального движения. Профессиональное движение и в международном масштабе остается последним оплотом международного меньшевизма, и победить меньшевизм в профессиональном движении значит окончательно победить буржуазию.

II Интернационал мы в области политической разбили, но сторонники II Интернационала в международном масштабе берут реванш на профессиональной арене. Сюда переносят они центр тяжести. Международный Совет профсоюзов в Амстердаме, руководимый социал-демократами, является ныне последним оплотом буржуазии. Последняя борьба III Интернационала со всем буржуазным миром разрешается именно здесь, в лагере профессионального движения.

И это не случайно. Это объясняется тем, что профессиональные союзы играют во всем мире — и у нас в России в том числе — роль, существенно отличающую их от роли партии. Профессиональные союзы являются самым широким объединением рабочих, какое только до сих пор знало рабочее движение. Профсоюзы являются порождением целой гигантской исторической эпохи. Это — самые жизненные, самые многочисленные рабочие организации, которые после окончания войны стали расти с особенной быстротой. Профсоюзы теперь вовлекли в свои ряды почти всех рабочих. Неорганизованных в профессиональные союзы рабочих в Европе и в Америке остается сравнительно мало. Вот почему в рамках именно этой организации происходит указанная борьба. Завоевать на свою сторону профсоюзы — значит завоевать на свою сторону всех организованных рабочих, больше того: всех рабочих вообще. А завоевать на свою сторону всех рабочих вообще — значит разбить буржуазию и дать победу пролетарской революции.

Профессиональные союзы у нас в Советской России являются, как мы уже не раз говорили, стержнем диктатуры пролетариата. Без профессиональных союзов, как правильно говорил не раз тов. Ленин, наша диктатура не продержалась бы и двух недель. Профессиональные союзы являются важнейшей составной частью пролетарской диктатуры. Но это совсем не значит, что сами профессиональные союзы являются непосредственным оружием диктатуры, непосредственным органом государственного принуждения. Нет, для этого у нас есть чисто государственные органы, для этого у нас есть Советы, за которыми стоит партия. Профессиональные союзы в первую очередь выполняют другие функции: они выполняют, так сказать, черновую работу по организации рабочих масс, и прежде всего они выполняют громадную работу воспитания рабочих в пролетарском, а потом и чисто коммунистическом духе. Это — основная роль профессио-

нальных союзов. Теперь у нас начинают это основательно забывать, когда думают, что с продвижением, с этой самой широкой рабочей организацией, можно обращаться слишком неосторожно, слишком грубо, слишком дубовато. Надо помнить, что у этой организации есть особые задачи: не непосредственное командование, не начальствование, не непосредственное диктаторство, а — задачи, которые, прежде всего, сводятся к вовлечению миллионных масс в русло организованного пролетарского движения. Вовлечение в это русло миллионов беспартийных рабочих и работников с тем, чтобы давать им в рамках союзов первоначальные уроки коммунизма, чтобы учить их первоначальным основам пролетарского движения и вести их все дальше и дальше — вот задачи союзов.

Много раз говорилось о том, что профессиональные союзы являются школой коммунизма. Что это значит — «школа коммунизма»? Если серьезно брать это определение, это значит, что в школе коммунизма надо, прежде всего, учить и воспитывать, а не командовать. Мы должны, прежде всего, быть воспитателями в этой школе, должны быть учителями, но мы ни в коем случае не должны являться там командирами. Если мы говорим о том, что профессиональный союз есть школа коммунизма, то мы должны это не только впустую произносить, а мы должны вдуматься в это определение и сделать из него соответствующие практические выводы.

Нам приходится проводить пролетарскую диктатуру в стране с громадным большинством крестьянского населения. Мы должны помнить это особенно сейчас, когда кончились наши непосредственно боевые задачи. Последний подсчет, который дали мне товарищи из профсоюзов, говорит о том, что мы имеем теперь около 7 милл. организованных — плохо организованных, частью только на бумаге «приписанных» к союзам — членов профессиональных союзов ⁽⁵⁾. Это мы имеем на громадном пространстве всей нашей страны, насчитывающей больше, чем сто миллионов населения. Мы нашу конституцию построили на том, что пролетариат имеет больше прав, чем крестьянство. Пролетариат руководит крестьянством. Мы говорим это прямо крестьянам. Городской пролетариат лучше воспитан, лучше знает уловки капиталистов, он сознательнее. Пролетариат призван идти в первых рядах и помогать тебе — крестьянину, вести тебя вперед. Так говорим мы крестьянину. К этому вопросу надо отно-

ситься особенно внимательно. Крестьяне, не колеблясь или почти не колеблясь, помогли нам в ту полосу, когда перед ними стояли, с одной стороны, коммунисты, а с другой — явные белогвардейцы: помещики, собравшиеся отнять у крестьян землю.

Одним принуждением мы, конечно, не заставили бы крестьян так щедро помогать Красной армии, идти на мобилизацию, драться на фронтах. Крестьяне шли потому, что понимали: иначе генерал и помещик победят нас, отнимут землю, сядут сами на эту землю. Этот момент теперь отпадает. И, разумеется, хорошо, что отпадает. Но это приведет к серьезным перегруппировкам среди крестьянства, к известной переоценке ценностей в среде крестьянских масс. Настроение среди крестьянских масс будет меняться. Уже сейчас заметно, как крестьяне иногда начинают ревновать нас к рабочим. Многие из вас, наверное, сделали то же самое наблюдение, которое пришлось сделать мне на последних уездных съездах советов, на беспартийных крестьянских конференциях и т. д. Настроение такое: теперь самое трудное позади, думают крестьяне, теперь наступает время, когда будет известный раздел благ между рабочими и крестьянами, вот как бы нам, крестьянам, не дать себя в обиду! Я думаю, что и все отметили, это десятки раз на последних крестьянских съездах. Этого, конечно, бояться нечего. Мы это изживем. Но мы должны это ясно видеть и должны сделать, между прочим, и следующий вывод: чисто рабочая организация у нас — только профсоюзы; на них нам приходится прежде всего опереться, осуществляя руководство пролетариата во всей революции. А раз это так, мы не должны забывать: для того, чтобы 7 милл., которые приписаны к профсоюзам, действительно могли руководить крестьянством, ныне переоценивающим ценности, для этого необходимо полное, настоящее единство в лагере этого профессионального движения.

Не может быть и речи о том, что мы проведем диктатуру пролетариата, если мы вздумаем дергать профсоюзы, если мы не поймем, что для объединения 7 миллионов рабочих, среди которых громадное большинство беспартийных, надо бережно, а не по-чиновничьи относиться к союзам. Чтобы профсоюзы, объединяющие 7 миллионов членов, стали школой коммунизма, для этого нужно, чтобы в продвижении было не показное, а настоящее единение, надо, чтобы профессиональные союзы слушались партии не из-под палки, а чтобы партия бережно относилась

к ним, воспитывала их, и чтобы каждый из нас, от мала до велика, понимал, что профессиональное движение есть некий особый вид рабочей организации, которому надо уделить особое внимание. Надо, чтобы все понимали, что к профессиональному движению надо относиться как к гигантской лаборатории коммунизма, к громадной школе, в которой мы будем воспитывать миллионы рабочих, без которой не может быть и речи о серьезном воспитании рабочего класса вообще. Не надо воображать, что мы можем перетягивать струну, что можем из Губкома или из ЦК действовать одними приказами. Не надо думать, что одними назначениями мы сможем вести профсоюзы за собою. Чтобы на деле иметь за собою эти массы, чтобы можно было вести их туда, куда хочет наша партия, нужно учитывать ясно то, что я говорил выше о значении профсоюзов.

Я хотел бы далее затронуть вопрос о так называемой «производственной демократии» — этот термин входит теперь в употребление. Повторяя его, некоторые товарищи думают, что этим впрямь что-нибудь сказано. По-моему, это — пустые слова, которые никому ничего не говорят. По моему, это — пустое словосочетание, которое решительно никому и ничего не объясняет.

Мы поставили в ЦК партии и особенно решительно на последней Всероссийской конференции вопрос о «рабочей демократии». Терминология и здесь неудачна. Признаю это. Но здесь всякий понимает, о чем идет речь: о равенстве, о выборности, о демократии внутри партии и советов. Конечно, тут нет ничего особенно нового. Партия наша с 1903 года ставит вопрос о демократическом централизме. Однако история пошла так, что в момент наивысшего торжества нашей партии, когда мы стали у власти, обстановка в ходе гражданской войны создавалась жестокая. В этот момент мы внутри партии, внутри рабочего движения не могли применять рабочей демократии в подлинном смысле слова. Тут нет никакой беды, ибо каждый рабочий, каждый крестьянин, не поддающийся демагогии, поймет, что в минуту тяжелой невиданной в мире гражданской войны нам было не до демократии. Тут нет еще беды.

Настоящая беда началась бы лишь тогда, если бы мы не поняли необходимости рабочей демократии теперь, когда война кончается. Тогда мы бы действительно рисковали головой партии. Господа эс-эры и меньшевики в своей зарубежной белогвардейской

печати пишут: большевики были живы как раз до того времени, пока они воевали; это, мол, их спланивало. Когда же большевики перестанут воевать, тогда как раз у них и начнется разлад и недовольство, против них пойдут рабочие и крестьяне, и они не выдержат нажима. Так говорят господа эс-эры и меньшевики. Они предполагают, что мы будем так глупы, что, когда кончится война, мы будем продолжать во всех отношениях действовать так, как будто бы война не кончилась. Нет, наша партия поступит не так. Когда война кончилась, мы делаем отсюда соответствующие выводы. Никакой беды не было в том, что мы на время свернули нашу внутри-партийную демократию — на время, т.-е. пока дело шло о том, чтобы победить нашего заклятого врага на полях битвы, пока шла война, самая настоящая война. А вот если бы теперь, когда кончилась эта война, наша партия стала колебаться, ждать, пока ее подтолкнут сзади, пока ее «снизу» чеством попросят восстановить внутри-партийную рабочую демократию, это был бы провал. Этого делать мы не собираемся.

Мы находимся на партийном собрании, перед партийными товарищами, накануне съезда, когда объявлена свободная партийная дискуссия. Я считаю своим долгом сказать все, что касается идейной борьбы и внутри нашего ЦКРКП, — когда этот вопрос стал на очередь впервые, месяца 2 — 3 назад, обнаружилось, что часть членов ЦК этого не поняла. И эта часть ЦК стояла в такой позиции, что приходилось, извините за вульгарное выражение, кое-кого за волосы тянуть к признанию «рабочей демократии». Товарищи увидели в этом лозунге «сдачу позиции». Повидимому, они всерьез считали самой драгоценной позицией партии то, что мы на время должны были отказаться от рабочей демократии. Сначала эти члены ЦК посматривали с усмешкой на тех, кто внутри ЦК заговорил о рабочей демократии: дескать, для внутрипартийной дипломатии это, может быть, и стоит делать, но «серьезные» люди этим не занимаются. Теперь в повседневных беседах, речах, тезисах и проч. утверждают, что тут не было и нет никаких расхождений. Это неверно. Тут были и отчасти есть еще и теперь расхождения. Теперь это — завесанная позиция. Но это факт, что непонимание у части членов Центрального Комитета по этому вопросу было. Они не хотели быстрого, решительного, определенного, откровенного и ясного перехода к новому, — в момент, когда предпосылки для этого были налицо, когда гражданская война кончилась.

Мы сразу стали бороться против этого именно потому, что не хотели, чтобы ЦК нашей партии был в недостойной роли, когда партия должна была бы его толкать и напоминать ему, что, раз наступили новые времена, то нужно по-новому поставить задачу. Мы говорили, что ЦК не должен себя чувствовать в роли папаша, который опекает партию. Мы говорили, что члены ЦК должны чувствовать себя в роли руководителей революционеров. Когда меняется обстановка, ЦК первый должен новую задачу поставить на очередь и ее вместе с партией разрешить. Так был поставлен вопрос о рабочей демократии. И теперь — по крайней мере, на словах — как будто бы этот спор изжит. И вот в это же приблизительно время выплыл термин: производственная демократия.

Нам сказали: демократия? хорошо! Но ведь сейчас все дело в подпитии хозяйства, в производстве. Ведь это бесспорно. Так, стало быть, надо говорить не о демократии вообще, а о «производственной демократии». И в декабрьской резолюции пленума ЦКРКП⁽⁶⁾, во второй, абсолютно неверной, части этой резолюции ЦК, принятой большинством 8 против 7 голосов, где впервые официально вводится термин «производственная демократия», нам поясняют: нам нужна «производственная демократия», т.-е. — чтобы все выборы происходили под углом зрения того, кто лучший хозяин, лучший организатор производства.

По вопросу о хозяйстве надо сказать следующее. Ни малейшего сомнения нет и не может быть ни у кого из нас, что это сейчас самая важная задача. Этот вопрос мы ставили уже не раз и раньше, сошлюсь хотя бы на свою брошюру, выпущенную еще год тому назад, под названием «От войны к хозяйству»⁽⁷⁾. Я уже сам стал забывать эту книжку, но мне товарищи напомнили ее, а также и то, что она удостоилась большой похвалы в центральном органе нашей партии, в статье, если не ошибаюсь, Бухарина. Уже год тому назад мы вместе с другими товарищами говорили: нет теперь другой более важной задачи, как хозяйственная; надо перестроить все так, чтобы на хозяйство двинуть все силы, всех партийных работников распределить так, чтобы все вели ту или другую хозяйственную работу. Я говорю в своей книжке применительно к Петербургу: отремонтировать сейчас одну баню в Петербурге является делом в десять раз более важным, чем прочитать пять хороших лекций. В этом нет и не может быть

сомнений, ни с моей стороны, ни со стороны членов ЦК той группы, к которой я принадлежу. Хозяйство — самая важная задача. Недооценивать этот момент нельзя. План электрификации России, которым занимался наш съезд, есть самое важное дело. Наша группа декистов ни на одну минуту не сомневалась в том, что этот план имеет великое историческое значение. Обвинять нас в том, будто мы недооцениваем хозяйственный момент, просто-напросто смешно.

Мы все хотим настроить всю партию на хозяйственный лад, ориентировать ее на производство. На решение этой хозяйственной задачи мы отдадим все силы. Но это не значит, что мы должны употреблять при этом путаные, сбивчивые и неясные термины. Верно, что мы при выборах в союзах и т. д. должны и будем ставить вопрос: понимаешь ли ты что-нибудь в хозяйстве, способен ли ты быть организатором? Но нельзя сказать, что мы только один вопрос будем ставить. Кто так говорит — тот говорит неправильно. И когда вы будете выбирать и выбирали на разные должности, вы ставите не только этот критерий. Мы не можем даже центральную всероссийскую коллегию построить только по этому признаку. Мы привлекаем и должны привлекать и такие признаки, как политический и партийный стаж, способность человека к организаторской работе вообще и т. д. и т. д. Иначе и быть не может. Вот почему, не возражая против того, что хозяйственная задача является важнейшей, я в то же время указываю на то, что термин «производственная демократия» — пустой насквозь термин и термин неверный, вводящий партию в заблуждение, не дающий надежной линии, не дающий возможности как следует ориентироваться. Мы говорим: как до сих пор мы воспитывали боевика, красноармейца, комиссара, так будем теперь воспитывать профессионалиста, хозяйственника, человека, умеющего в производстве что-нибудь сделать делового для облегчения жизни рабочего класса и т. д... Это бесспорно и необходимо.

Но когда мы говорим о формулах, говорим о лозунге, который должен иметь длительное значение, мы отмечаем формулу «производственная демократия», как неверную, как путающую, как не дающую ответа на прямые вопросы.

Я возвращаюсь к тому, как обстоит дело в профессиональных союзах сейчас. Сторонники тов. Троцкого говорят, что профессиональные союзы в настоящее время переживают неслыханно

тяжелый кризис. Утверждают даже, что союзы находятся на краю гибели. С этого начал на-днях свой доклад в театре Зими́на тов. Троцкий. Он начал свой доклад с того, как отчаянно плохо обстоит дело в профессиональных союзах, и ссылаясь при этом на цитату из отчета одного из ревизоров ВЦСПС, в которой говорилось, что отдельные ЦК союзов оторваны от всероссийского центра и т. п. Верно ли это? Конечно, верно! Никто не говорит, что у нас в союзах все обстоит благополучно. Напротив, аппарат союзов очень слаб. И он будет слаб до тех пор, пока его ресурсы будут оставаться таковыми, как в настоящее время. Какой-нибудь картографический подотдел Реввоенсовета Республики, несомненно, обладает, по крайней мере, в десять раз большими ресурсами и средствами, чем весь ВЦСПС, т.-е. чем все всероссийское объединение профсоюзов. Пока такое положение будет продолжаться, до тех пор профессиональные союзы будут хромать на обе ноги. Но мы должны сказать теперь: столько же внимания уделимте ВЦСПС, сколько до сих пор уделялось Реввоенсовету Республики, столько же поддержки, ухода, средств, заботливости, и тогда мы сможем с него столько же требовать.

Было время, когда мы так вопрос ставить не могли, когда это было бы демагогией. Это было то время, когда все должно было отдаваться именно Реввоенсовету, т.-е. фронту, потому что в то время на очереди стояла важнейшая боевая задача — война. Мы обирали всех и вся для фронта. И тут не было беды. Настоящая беда была бы в том, если бы мы не поняли, что сейчас другие времена, и если бы мы не признали, что сейчас центр тяжести надо перенести на ту гигантскую школу коммунизма, какой является профессиональное движение и в которой должно «обучаться» 7 миллионов рабочих.

Нам говорят, что профессиональные союзы переживают кризис, что рабочие там мало вовлечены в повседневную работу, что аппарат там ничтожный по сравнению со стоящими перед союзами задачами. Но, я думаю, мы все-таки должны знать меру вещей и определить: есть ли это в самом деле кризис и каковы размеры этого кризиса? Говорят, что профессиональные союзы не знают, что им делать. Я сам слышал на 5-й Всероссийской конференции профсоюзов от одного сторонника тов. Троцкого (это был тов. Коссиор) следующие слова: когда мы говорили ему — мы вам дадим работников, он отвечал: «вы дайте нам работу,

а не работников». Я же ему на это возразил, что работы у союзов непочатый край, что всей работы не переделаешь, так ее много, а вы, тов. Коссиор, по-интеллигентски ищете «формулу», вместо того, чтобы засучить рукава и приняться за дело. Это надо сказать всем тем, которые говорят: «я не знаю, что мне делать в союзе».

Профессиональные союзы сейчас слабы, этого отрицать нельзя. Но если по этому случаю будут бросаться на них и на их руководителей с криками «это — трэд-юнионизм, это — каутскианцы», то этим мы не поможем профессиональным союзам, а этим будем лишь вгонять клип между двумя большими и важнейшими коллективами пролетарской революции — РКП, с одной стороны, и всероссийским профессиональным движением — с другой.

Часто говорят, что профессиональные союзы ныне ничего не делают. Что делают союзы? — говорят нам... Когда мы открыли дискуссию для сборника о профдвижении и пригласили посылать статьи о профсоюзах, то первая статья, которую я получил, была написана тов. Мясниковым, который присутствует здесь. В этой статье говорится: странная вещь, люди ломают себе голову над тем, каковы должны быть профсоюзы, когда дело яснее ясного, и когда ларчик открывается чрезвычайно просто — профсоюзов нам не надо вовсе, у нас есть Советы, зачем нам профсоюзы?..

Когда тов. Троцкий в его кратком докладе в ЦК партии не раз говорил: где же профессиональные союзы, их собственно почти что нет, они ничего не делают, у них нет основных первичных ячеек, в члены союзов приписывают насильно на фабриках и заводах, членские взносы отчисляются механически и т. п., — то это другими словами, несколько товше, но выражает ту же самую мысль. Верно ли, что профессиональных союзов действительно нет? Профессиональные союзы слабы по причине гражданской войны и благодаря нашему невниманию к ним. Это так. Но верно ли, что их нет вовсе? Нет, это верхоглядская точка зрения людей, которые на практике никогда ни одного профсоюза не видели.

У нас в Ленинграде, во Дворце Труда, где помещаются все профессиональные союзы, ведется статистика посещений этого Дворца Труда. Статистика эта показывает, что за день приходят в профессиональные союзы в среднем более 5.000 людей, дохо-

дит до 6.000, не считая входящих по посторонним надобностям. Зачем они ходят? Один идет за прозодеждой, другой по поводу тарифа, третий по поводу сверхурочных работ, старушка, мать рабочего, ходит в свой союз по поводу похорон, ходят по поводу трудового пайка и т. п., иной идет затем, чтобы получить право на переезд в другой город или свезти в больницу больного ребенка, иной жалуется на фабрично-заводский комитет, другой доказывает, что надо сменить директора завода или его помощника, и т. п. Если взглянуть с точки зрения бюрократической, иной умник скажет: да разве это профессиональный союз — тут нет делегатских собраний, тут нет еще ничего организованного, где тут фабрично-заводский комитет, где стройная организационная иерархия? Да, этого нет! Но 6 тысяч человек, которые ежедневно с фабрик и заводов приходят в свои союзы по мелким и мельчайшим делам и из которых многие, быть может, не слышали никогда слова «коммунизм», теснейшими, интимнейшими узами связываются с профсоюзами. В этом, между прочим, и состоит, хотя бы отчасти, профессиональный союз нашего времени. И это и называется: ходить — как это ни странно покажется на первый взгляд — в школу коммунизма.

Это кажется очень смешным некоторым радикальным людям из Цектрана, которые думают, что ходить в школу коммунизма — значит ходить только на лекции, где выходит лектор, начинает с первобытного коммунизма и кончает бухаринской «Азбукой Коммунизма», которую в последнее время у нас заставляют даже в наказание читать. Я ни на минуту не против этих лекций, не против «Азбуки», не против агитации, я сам принимаю кое-какое участие в пропаганде и агитации, но я говорю, что эти тысячи тружеников, которые приходят цзо дня в день в свои профессиональные союзы в каждом городе, устанавливают интимнейшую связь с профессиональным движением, во главе которого стоят наши люди. Тут же приходящие рабочие и работницы получают книжку, листовку, инструкцию, тут же они попадают на ту или иную лекцию. В Петербурге это так. То же можно сказать и относительно Москвы и ряда других городов.

Я вовсе не хочу сказать, что нам выгодна бесформенность, что не надо оформленных и строго соподчиненных фабрично-заводских комитетов, этой основы профессиональных союзов, что не надо периодических и систематических делегатских со-

браний. Регулярные делегатские собрания па до созывать. Но мало ли что нам надо иметь? Разве не надо иметь повсюду сильный партийный коллектив на каждом заводе и в мастерской? А разве мы не знаем, что теперь на заводе из тысячи рабочих не всегда есть коллектив в 25 коммунистов? А часто соотношение бывает еще хуже.

Разве мы не знаем под Москвою фабрик по несколько тысяч рабочих, где 8 человек в партийном коллективе, который притом почти никогда не собирается? Разве мы не встречаем таких явлений в Петербурге, в Москве, в провинции, в целом ряде городов? Разве мы не знаем, откуда это возникло? Мы перебросили на фронт более 300.000 лучших рабочих — вот почему опустели коллективы: во время острой гражданской войны нам было не до них. Партийное положение не более блестяще, чем профессиональное — и то и другое мы поправим. И как из этого нельзя делать вывод, что партия погибает, так отсюда нельзя делать и вывод, что союзы переживают какой-то отчаянный кризис.

Профессиональные союзы не имеют той стройности, какая нужна; ее мы должны придать теперь союзам коллективными усилиями партии. Чем-нибудь помогли же нам за три года диктатуры профессиональные союзы! Почему-либо говорили же мы, что без них мы за две недели погибли бы. Чем же служили пролетарской диктатуре профсоюзы? Тем, что, худо или хорошо, они охватывали рабочие массы — беспартийные, полупартийные, стремящиеся к нам массы. Союзы объединяли эти наиболее важные для революции рабочие массы городов, держали их своей организацией и так или иначе добились того, что эти массы были не против нас, а за нас. Вот почему мы должны брать профессиональное движение, как оно есть — в результате трех лет тягчайшей войны, когда партия о них не могла заботиться. Мы должны теперь налечь на то, чтобы строго и ясно отшлифовать низовые органы профсоюзов, дать им прочную базу на каждом заводе, в каждой шахте и мастерской. Но нельзя представлять дело так, что профессиональных союзов будто бы нет совсем, нельзя резонерствовать о том, что в профессиональных союзах все плохо.

С точки зрения формальной, никто не имеет ни малейшего права придирается к тому, что членские взносы на заводах механически удерживают из заработной платы. Это делается на

основании постановлений общезаводских собраний. Во всяком случае это целая полоса, которую надо изжить. Мы должны, конечно, помнить, что не всякий, у кого отчисляют взносы в союз, является коммунистом или даже только организованным членом профсоюза. Мы должны видеть переходную форму профессионального движения, брать его таким, какое оно есть, и отмечать не только слабые, но и его гигантски-сильные стороны, которые являлись опорой пролетарской диктатуры за это время.

Мы перейдем теперь к уточнению всего союзного аппарата, перейдем к усилению этого аппарата, но не позволим никому кричать, что ВЦСПС есть трэд-юнионистский орган, что профсоюзов нет, и что туда им, дескать, и дорога.

Я приведу некоторые цифры для того, чтобы вы видели, что сделано было профсоюзами, несмотря на те неблагоприятные условия, в которых они находились. Это надо сделать в момент, когда о профсоюзах говорят в таком тоне, в каком Троцкий говорил против ВЦСПС на своей лекции, т.-е. в тоне беспощадной борьбы с «трэд-юнионистским» противником, в каком мы в свое время говорили только с меньшевистскими руководителями профсоюзов.

Профсоюзы, несмотря на все тяжести, которые выпали на их долю, сделали много. Я приведу цифры не совсем полные, но достаточно внушительные. По мобилизации членов профсоюзов, которая была сверх всяких других мобилизаций, на сборные пункты явилось за один 1919 год 79.368 человек. Это большое количество людей. Также на командные курсы от профсоюзов дан был не один десяток тысяч членов. Кроме того, я еще имею справку относительно количества продовольственных отрядов, которые исчисляются тысячами, а число их членов, мобилизованных профсоюзами, за первый год превышает 30.000. И это, товарищи, при таком положении вещей, когда ответственных технических работников профсоюзов, вместе взятых, включая ВЦСПС, имелось по последним данным — всего-навсего 1.313 человек! Из них 656 человек, т.-е. больше половины, находило на один Цектрап, который поэтому и может похвалиться лучшим аппаратом.

Учтите еще при этом изменение социального состава рабочих на фабриках и заводах. Это изменение страшно неблагоприятно отразилось в первую очередь именно на работе профсоюзов.

*

Вы знаете, что социальный состав рабочих даже в столицах сильно изменился к худшему. Социальный состав изменился в первую очередь в том отношении, что женщины стали вытеснять рабочих мужчин. Данные по Петербургу, например, показывают, что за короткое время число взрослых рабочих мужчин, которых раньше было 65%, упало до 41%. Число женщин взрослых с 25% поднялось до 41%. Это составляет сверхкомплектную трудность для профессионального движения. Это тоже не давало встать прочно на ноги; постоянная перемена социального состава рабочих даже на фабриках и заводах крупнейших центров ставила профессиональные союзы в неблагоприятное положение. И все-таки не было отрасли работы, в которой профсоюзы за эти годы не принимали бы участия.

Тов. Троцкий возражает: хорошо, союзы помогали в продовольственном деле, помогали фронту и т. д. За это им спасибо, но они все-таки не занимались главным. Они не занимались производством.

Это неправильно.

Перейдем к основному вопросу, который как будто является главным предметом разногласия. По крайней мере так пытаются изобразить дело. Наши профсоюзы недостаточно занимались производством. Это верно. Наши профсоюзы должны увеличить свою роль в производстве. Это также верно. Наши профсоюзы должны начать сраживание с государственными хозяйственными органами. И это верно. Но все, что у Троцкого начинается дальше, есть уже сплошная путаница, сплошное отступление от марксистских взглядов на профсоюзы и сплошное непонимание того, чем могут и должны быть профсоюзы в наши дни. Это я попытаюсь доказать.

Говорят о сраживании. Сраживание безусловно необходимо; когда тов. Троцкий в докладе в театре Зимина пытался поставить дело так, будто наши профессионалисты сегодня говорят одно, а завтра другое, это было одним из многочисленных проявлений его отнюдь небеспристрастного отношения к нашим работникам профсоюзов. Я внимательно изучал документы профессионального движения. Я знаю, что работники профсоюзов против сраживания не возражают. Когда мне привелось выступить на 5-й Всероссийской конференции профсоюзов, не так давно состоявшейся, я говорил от имени ЦК и о сраживании. Я приведу выдержку из стенографического отчета.

Я говорил:

— «Тут тов. Гуревич⁽⁸⁾ говорил: мы совершенно бродим в темноте, никакой перспективы у нас нет. Куда мы держим курс — мы не знаем. Мы спотыкаемся на каждом шагу. И тов. Гуревич умозаключает: признаемте, что мы держим курс на сращивание, и тогда все станет ясно, даже наиболее трудная тарифная проблема разрешится. Так ли это? Нет, это патяжка. Люди влюбились в словечко «сращивание». Я скажу, что это пресловутое сращивание давным-давно началось».

И я прибавлял: если разногласие только в этом, мы готовы вам три «сращивания» дать. Никогда против сращивания в принципе мы не возражаем, это решение партийного съезда. Весь вопрос — как сращивать. В тезисах, которые теперь раздают за подписью тов. Троцкого, есть глава, которая, кажется, называется — «практические предложения». Решительно ничего практического в них нет. То, что в них есть практического, давно выполнено, и притом более практично. IX съезд партии сказал подробно, как надо сращивать профсоюзы с советскими органами. Я об этом сейчас прочитаю целую главу из решений IX съезда РКП.

IX съезд нашей партии этот вопрос обсуждал подробно. Этот съезд нашей партии состоялся не так уж давно. Он состоялся всего 10 месяцев тому назад. Не десять лет, а десять месяцев прошло с тех пор. И он состоялся в такой же обстановке, примерно, в какой мы находимся и теперь. В резолюциях IX съезда о профсоюзах есть целая глава, которая названа «Формы участия профсоюзов в хозяйственном аппарате пролетарского государства». Глава начинается от заводских комитетов и кончается совнархозамп. И там указано самым ясным, самым практическим образом, как это сращивание вести. Сторонники тов. Троцкого здесь не открыли никакой Америки. Вот что эта глава говорит:

— «1) В виду того, что профессиональные союзы, объединяя рабочих по крупным отраслям производства, непосредственно с этим производством связаны и поэтому являются весьма компетентной организацией именно здесь, они составляют основную базу хозяйственных организаций, управляющих промышленностью.

«2) Это проявляется в том, что профсоюзы, не будучи обособленной организацией и отнюдь не заведующей делом и исклю-

чительно хозяйством Советской Республики, снизу доверху участвуют в организации производства. При этом ни одна из союзных организаций не вмешивается непосредственно в ход предприятий.

«3) Низшей ячейкой профсоюза является завком. Завком, не вмешиваясь в область управления предприятием, выполняет следующие функции: способствует поднятию трудовой дисциплины всеми мерами, вплоть до товарищеских дисциплинарных судов, ведет, наряду с общей, производственную трудовую пропаганду, привлекает рабочих к участию в рабочей инспекции, воспитывает рабочих и заинтересовывает их в понимании роли завода (отчеты, доклады и т. д.), способствует подбору рабочих администраторов, наблюдает за деятельностью расценочных комиссий и проч.

«4) В заводоуправлениях профсоюзы принимают участие в формировании таковых по соглашению с соответствующими органами ВСНХ, при чем принцип выборности должен быть заменен принципом подбора на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости кандидатов.

«5) Районные управления и заводоуправления предприятий состоят из лиц, назначаемых по соглашению между ЦК соответствующего союза, с одной стороны, Коллегии Главка и Центра — с другой, или же (в случае непосредственного подчинения ВСНХ) по соглашению и с окончательной санкцией президиума последнего.

«6) Коллегии (президиумы) Губсовнархозов составляются по соглашению между Губпрофсоветом и Губисполкомом: Главки и Центры по соглашению ЦК профсоюзов и соответствующего отдела ВСНХ. Наконец, сам ВСНХ, поскольку кандидаты в президиум его намечаются съездом Совнархозов, точно также формируется при ближайшем участии профсоюзов.

«7) Аналогично этому должны формироваться и другие руководящие экономические организации, например, ведающие мобилизацией, распределением, учетом и охраной рабочей силы (как-то: Главкомтруд и проч.).

«Таким образом, во всех звеньях промышленной администрации и администрации народно-хозяйственной вообще профессиональным союзам принадлежит сугубо важная роль, которая с повышением уровня рабочего класса в целом будет постоянно возрастать».

Что нового и более практичного предлагается теперь тов Троцким? Ничего! Нынешние предложения гораздо более туманны и неясны, чем эти авторитетнейшие решения IX партийного съезда, которые указывают нам точно, как именно начать это сращивание. Резолюция съезда начинается с завкома, переходит к заводууправлению, затем к районному управлению, затем к губсовнархозу и т. д. Ответ дан ясный и деловой. Не ново и то, что союзы должны участвовать в выработке производственных программ. Что же тут нового? Это проводится уже в ряде мест. Тов. Троцкий предлагает еще, чтобы три члена входили одновременно в ВЦСПС и в ВСНХ. И это называется открытие Америки! Мне кажется, что в такой постановке это есть чисто бюрократическая выдумка. Мы и теперь имеем отдельных товарищей, работающих и тут, и там. Мне кажется, что это вовсе не есть ньютоновское открытие. За сращивание мы стоим. Только за какое? Когда человек съедает кусок хлеба, ведь тоже можно сказать, что он сращивает кусок хлеба со своим желудком. Такого сращивания мы не хотим, и такого сращивания не хотят профсоюзы. И они тысячу раз правы, что не хотят такого сращивания. Они не хотят такого сращивания потому, что это есть гибель профессионального движения, которое нам необходимо поддерживать для осуществления на деле пролетарской диктатуры. Нельзя допустить, чтобы профсоюзы были просто проглочены главками и центрами и стали только подсобными органами сильно бюрократизированных главков и ведомств.

Но, может быть, мне скажут: где же эти люди, которые хотят таких методов сращения, которые равны поглощению? Где эти люди? Где сторонники таких методов? Увы, они есть, и я расскажу вам про них. Я попрошу вас обратить внимание на резолюцию IX съезда партии, которая говорила об учреждении временного Главполитпути. Я очень советую всем вам перечитать эту резолюцию, потому что она вплотную подводит к тем разногласиям, которые существуют в настоящее время. Резолюция гласит:

«XII. Главполитпуть.

«В центре внимания и усилий нашей партии и Советской власти в течение ближайшего периода остается транспорт. Его улучшение является необходимой предпосылкой самых скромных успехов во всех других областях хозяйства, и, в первую очередь, в продовольственном отношении,

«Основным затруднением в деле улучшения транспорта является слабость железнодорожного профессионального союза, обусловленная как разношерстностью личного состава железнодорожников, среди которых сохранилось немало элементов из эпохи рухловщины⁽⁹⁾, так и мобилизацией коммунистов, т.-е. наиболее сознательных и самоотверженных элементов железнодорожного пролетариата, на военный фронт.

«Считая одной из важнейших задач партии всемерное содействие профессиональному союзу железнодорожников, при участии которого только и сможет быть поставлен на надлежащую высоту наш транспорт, съезд признает в то же время полную и безусловную необходимость принятия исключительных и чрезвычайных мер (военное положение и проч.), которые вытекают из ужасающего распада транспорта и имеют своей задачей нетерпящими отлагательства мерами предотвратить полный его паралич и связанную с этим гибель Советской Республики.

«Оценивая под этим углом зрения Главполитпуть, съезд видит в нем подлежащий дальнейшему усилению временный орган Коммунистической партии и Советской власти, преследующий одновременно две неразрывно связанные между собою задачи: организованным воздействием испытанных коммунистов, лучших представителей рабочего класса, немедленно улучшить состояние транспорта и в то же время укрепить профессиональную железнодорожную организацию, влить в нее лучших работников, которых Главполитпуть направляет на дороги, помочь самому профессиональному союзу установить в своей организации железную дисциплину и тем самым сделать профессиональный союз железнодорожников незаменимым орудием дальнейшего поднятия железнодорожного транспорта.

«По выполнении этой работы Главполитпуть и его органы на местах должны быть в возможно короткий срок включены, с одной стороны, в профессиональную организацию железнодорожного пролетариата, с другой стороны — в нормальные учреждения Наркомпути».

Была ли беда в том, что наша партия в трудную для транспорта минуту постановила организовать Главполитпуть, как орган, немного потеснивший профсоюз железнодорожников? Нет, беды в этом не было никакой. Беда началась тогда, когда начали забывать, что Главполитпуть — это, по мысли съезда, орган

временный. Настоящая беда началась тогда, когда хотели увековечить Главполитпуть и стали говорить о замене целого ряда профсоюзов политотделами. Вот когда началась настоящая беда. Съезд партии сказал: создать временный орган и распустить его немедленно по мнновании надобности. Главполитпути даны были две задачи: поднятие транспорта и помощь союзу железнодорожников. Товарищи дектранисты утверждают, что обе задачи выполнены блестяще. Тем более, раз это так, нужно было бы сразу же уничтожить Главполитпуть, как орган временный, не тянуть дела, не переносить в Цектран методов Главполитпути. Мы признаем, что улучшение в транспорте есть, и мы все будем работать дальше, чтобы еще улучшить его, но в то же время мы слышали от украинских делегатов, что на юге России транспорта нет совсем. Примерно то же слышали мы от сибиряков. Смешно, конечно, было бы это ставить в вину кому бы то ни было. Мы знаем, что это — задача, которую надо решать в течение долгого времени, и я прошу не примешивать этого вопроса к нашим спорам. Но вот вторая задача — укрепление профсоюза железнодорожников — не только не выполнена, а напротив, союз железнодорожников подвели к расколу, — вы, товарищ Троцкий, и ваши единомышленники. Вы собрали недавнюю конференцию Цектрана и были настолько слепы, что не видали, что Цектран стоит на глиняных ногах, что он уже раскололся на три части. (Сосновский ⁽¹⁰⁾: — А вы это поощряли.) Не верно! Наша партия безусловно никому не позволит произвести раскола в союзе железнодорожников, и съезд транспортных рабочих, собирающийся через несколько недель, приведет, мы уверены, к полному объединению.

Все-таки мы не забываем, что сторонники тов. Троцкого довели до полного раскола с водниками, у которых есть анархические элементы, и их мы не должны поощрять, но которые по существу целиком правы против дектранистов. Сторонники тов. Троцкого привели к тому, что у них из среды самих железнодорожников также выделилась половина, которая высказалась против Цектрана. На заседании ЦК партии я сообщил документ, что 18 из 60 выборных членов конференции Цектрана также высказываются против его политики. Тов. Троцкий сказал на это, что я выдумал эту группу, что ее нет. А на завтра она выросла с 18 до 32 товарищей. Оказалось, что и из среды железнодорожников, бывших на конференции Цектрана, половина высказа-

лась против губительной политики, которую повели неумеренные сторонники тов. Троцкого. Кто в этом виноват? Тов. Троцкий пытается говорить, что раскол произошел потому, что я, видите ли, сделал свое выступление на сентябрьской Всероссийской конференции партии и что я виновник этого раскола. На это тов. Рудзутак в заседании ЦК с протоколами с мест в руках доказал, что этот вопрос рассматривался в Сибири, и на Волге, и на севере, и на юге задолго до каких бы то ни было моих выступлений и задолго до Всероссийской конференции. Товарищи дектрановцы, не идите крамольников, не идите бунтовщиков, а вдумайтесь-ка лучше в то, почему вы стоите перед разбитым корытом, и почему только разбитую посуду вы можете предъявить партии, несмотря на то, что вам не одну сотню лучших работников дала наша партия. Товарищи из дектрана не поняли, как надо обращаться с профсоюзами. Товарищи не поняли, что такое школа коммунизма, и потому сделали громадные ошибки.

Позвольте предъявить вам несколько документов, которые покажут вам, как слишком упрощенно понимали свои задачи товарищи дектрановцы и некоторые товарищи военные.

Когда мы предостерегаем товарищей от упрощенно-военных методов в союзах, это изображают чуть ли не как оскорбление Красной армии. Это явно неверно. Нечего и говорить о том, что мы все одинаково любим и уважаем героев нашей Красной армии. Тов. Томский и другие профессионалисты протестовали против «кавалерийских налетов» на профсоюзы. По этому поводу тов. Троцкий с укором говорит: с каких это пор кавалерия Буденного ⁽¹¹⁾ у нас стала не в фаворе? Это смешно. Кавалерией Буденного мы все, конечно, гордимся. Мы совершенно уверены, что тов. Буденный и его кавалерия в своем кавалерийском деле понимают превосходно, во всяком случае лучше моего, и, грешным делом, смею думать, что и лучше самого тов. Троцкого. На этот счет надо уговориться. Ни в какой мере никто не собирается чернить «честь мундира». Мы все превосходно знаем, что мы в Красную армию отдали лучших людей. Товарищам военным, которых мы с распростертыми объятиями принимаем теперь, когда они, наконец, после тяжелых испытаний возвращаются к нам, мы шлем самые братские приветствия. Но мы имеем право сказать товарищам: вы должны вникнуть в то, что профсоюзы имеют свою историю, свои особые задачи, свой опыт,

свои методы. Да что вас учить! Многие и многие из вас сами вышли из профсоюзов. Многие прошли эту школу и ее еще пройдут. Самую худшую услугу, которую можно было бы оказать и вам и партии — это создать впечатление, что вы, не разобравшись броду, сунулись в воду. Это была бы медвежья услуга. И вы этого не сделаете, конечно. Среди вас есть достаточное количество вдумчивых людей, хороших организаторов, людей, знающих, как приступать к новой работе. Те профсоюзы, которые стали бы вас встречать как «чужаков» и говорить вам, что вы-де не понимаете нашего «ремесла», конечно, мы бы осмелили. Те из военных, которые стали бы думать, что они должны командовать и в союзах применять механическое давление на профсоюзы, конечно, совершили бы бестактность.

Именно теперь, при переходе на новые рельсы, вам пужно больше, чем кому бы то ни было, такта. И вы его, конечно, обнаружите. Нужно, чтобы каждый из нас при перемене рода оружия, т.е. при перемене отрасли работы, подходил к делу осторожно. Меня, например, два раза назначали членом Реввоенсовета 7-й армии, когда Юденич⁽¹³⁾ подходил к Питеру. Я пытался в Реввоенсовете держаться весьма осторожно, великолепно понимая, что в этом деле я почти ничего не знаю, что могу помогать только тем, что находится в пределах моего непосредственного влияния, и т. д. Если бы я возомнил себя человеком, понимающим в стратегии, стал бы учить испытанных кавалеристов делу кавалерии, это было бы смешно.

Что некоторые товарищи военные впадают в ошибки, это, к сожалению, несомненно. Вот пример: я беру приказ тов. Зофа, члена верховной коллегии главода. Я знаю тов. Зофа не первый год. Это один из самых лучших работников нашей партии; ни одного худого слова о нем я не скажу, я с ним работал годами, он сначала работал в сестрорецком заводе, потом был членом Петербургского исполкома, потом был военным моряком. Но тем более показателен его пример, когда его поставили на работу в водном транспорте, когда его назначили членом верховной коллегии главода. (Голдса Бухарина и Сосновского: — Кто назначил?) Назначил ЦК нашей партии. И я заявляю, что ни в одной капле не снимаю ни с себя, ни с членов ЦК, солидарных со мной, ответственности ни за это назначение, ни за организацию Главполитпути. За прошлое я признаю ответственность. Но только мы расхо-

димся в одном. Партия сказала: временно! Теперь время пришло отменить. Партия сказала: делать с умом и укреплять союз железнодорожников. Надо делать с умом, надо делать так, чтобы выходила действительно помощь профессиональным союзам.

Возвращаюсь к приказу тов. Зофа (от 3 мая 1920 года, напечатан в «Известиях Мариинского Областного Управления»). Читаю:

«По поручению тов. Троцкого мною был созван здесь ряд совещаний с представителями от районов для заслушивания их докладов о положении работ на местах и выяснения различных нужд районов...

«...Итак, в жизни водного транспорта наступает решительный перелом. Отпадает кустарничество, комитетчина, бессистемность и безвластие, дело водного транспорта становится государственным. Во главе будут стоять политические комиссары с соответствующими полномочиями. Власть комитетов, профсоюзов, выборных делегатов по отношению к вмешательству в технические и административные вопросы аннулируется».

Товарищи, вы видите, что тут смешано правильное с неправильным, а общий тон взят не-правильный, от которого уже один только шаг до коренных ошибок. Таких приказов от гораздо менее испытанных и менее опытных товарищей было гораздо больше. Тов. Зоф как будто смешивает профсоюзы с «комитетчиной» в армии — ошибка, которую делает не один тов. Зоф. А между тем это ошибка коренная. Красную армию нельзя было построить, не уничтоживши старых армейских комитетов и «комитетчины». Производство, наоборот, нельзя поднять без профсоюзов. Ибо, задача поднятия производства все-таки отличается от задачи войны. Профсоюзов нельзя смешивать с «комитетчиной». Тов. Зоф самый убежденный сторонник Цектрана. Но где в его приказе увеличение роли профсоюзов в производстве? Этого нет и в помине. И так же получается у тов. Троцкого. Не увеличивайте чересчур роль союзов в производстве, хочется нам сказать этим товарищам, но не смешивайте союзов с «комитетчиной», не плодите конфликтов с союзами. А ведь тот же Зоф недаром добился конфликта с кронштадтцами, не сумел наладить нужных отношений с рабочими водниками. В результате не получилось ничего хорошего ни для союза, ни для водного транспорта.

Вот другая выдержка. Я привожу выдержку по стенографическому отчету из речи тов. Гольдмана, сторонника тов. Троцкого, — из речи, произнесенной на недавней 5-й Всероссийской конференции профсоюзов. Послушайте эту выдержку. Я заранее оговариваюсь, предвидя возражения. Тов. Троцкий в одной речи сказал: мы (т.-е. тов. Троцкий и его ближайшие сотрудники) устраиваем революционные трибуналы, применяем суровые кары и т. п. Но ведь мы делаем это по постановлению партии, а теперь, говорит тов. Троцкий, профессионалисты иногда изображают меня (т.-е. тов. Троцкого) и моих сторонников как добровольных палачей рабочего класса. Разве это не позор? Так говорит в напечатанной речи тов. Троцкий.

Товарищи, это действительно позор. Но позор не там, где находил его тов. Троцкий. Позорно то, что у нас начинает поворачиваться язык для таких обвинений против наших профессионалистов. Где и когда кто-либо посмел и посмеет изображать дело так, что товарищи, устраивавшие ревтрибуналы — палачи? (Голос с мест: — Лутовинов ⁽¹⁸⁾). Троцкий не говорил — Лутовинов, да и Лутовинов этого не утверждал. Читайте книжку тов. Троцкого, познакомьтесь с букетом его обвинений против наших профессионалистов. Из этого букета вы увидите, как тов. Троцкий борется с руководителями профсоюзов. Он выставляет их меньшевиками и тред-юнионистами — без всякого повода. Так ведут только к расколу профессионального движения. Ибо, если бы наши профессионалисты действительно были повинны в этом, мы не могли бы жить с ними в одной партии. Это явное преувеличение тов. Троцкого, когда у него «раздулось плечо, размахнулась рука».

Эту оговорку я делаю потому, что собираюсь цитировать некоторые места из речи Гольдмана, за которые ему можно было бы делать упреки, похожие на те, которые приписывал профессионалистам тов. Троцкий. Тов. Гольдман говорит, что он признает и пропаганду, и способ принуждения, и реальную политику, которая не останавливается ни перед какими не только поощрениями рабочих, но и мерами принуждения. В такой постановке вопроса тов. Гольдман, разумеется, прав. Но слушайте дальше. В его стенограмме мы читаем буквально: «Другой способ — это способ принуждения, способ реальной политики, который не останавливается ни перед какими методами поощрения рабочих, как и мето-

дами принуждения, беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад... (Курсив наш. — Г. З.).

И дальше: «...Ни один серьезный взрослый человек не может сказать, что штыками можно привести в движение рабочий класс России, и в этом отношении каждый из нас должен приветствовать метод пропаганды и вовлечения широких рабочих масс в дело нашего хозяйственного строительства. Мы должны пропагандировать так, чтобы самая отсталая работница-полукрестьянка поняла, что нужно сделать, чего от нее требует страна, чтобы рабочие поняли, что это необходимо в интересах их собственного материального благосостояния. Но вместе с тем мы должны решительно бороться за то, чтобы по отношению к отсталому элементу применять беспощадный метод террора, оставить вагоны с решотками, которые функционировали и раньше, против которых могут выступать лишь отдельные товарищи. Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции». (Курсив наш. — Г. З.) (Крики из зала: — Позор!) Товарищи, не торопитесь кричать «позор». Здесь нет никакого позора. Тов. Гольдман просто увлекся. Он вовсе не так кровожаден, как он сам себя изображает. На деле он вовсе не станет применять ни тюрем, ни палочной дисциплины и т. п. Я только привожу это для того, чтобы вы видели, насколько дектранисты увлеклись, и какого вздору они наговорили. Конечно, никто из нас не против принуждения. Нам приходится прибегать и к принуждению, и мы будем к нему прибегать. Но я спрашиваю вас: когда на 5-й все-русской конференции, на переломе двух эпох, говорят такие слова, правильно ли это? Я не хочу Гольдмана ловить на слове. Я не советую вам кричать «позор», но я говорю: это настроение есть не то, что нужно теперь. Это не из той оперы. Если мы пойдем теперь с такими настроениями и мыслями в профсоюзы, то можем ли мы, в самом деле, превратить профсоюз в школу коммунизма, собрать эти 7 миллионов человек, «срастить» союзы с рабочими массами? Нет, не можем!

Тов. Гольдман не первый встречный. Он — лучший из немногочисленной группы профессионалистов, которая поддержи-

вает тов. Троцкого. Он человек штатский, а пытается говорить «под военного». Но настоящий военный в сто раз больше знает, что значит дисциплина, и не будет зря кидаться словами о палочной дисциплине. С такими настроениями надо бороться во что бы то ни стало.

Может быть, мне скажут, что это теперь прошлогодний снег — ведь, мы же распустили Главполитпуть и Главполитвод. Да, после постановления Центрального Комитета партии обещали распустить Главполитпуть через две недели, и мы надеемся, что это будет выполнено. Насчет Главполитвода, который был предметом непосредственного раскола, тов. Троцкий еще 30 ноября этого года писал письмо в Политбюро Центрального Комитета партии, где он заявлял, что Главполитвод, по крайней мере в течение двух-трех месяцев, распустить никак нельзя. И еще одно. Те же самые товарищи (Троцкий), которые говорят, что для них единственный критерий — хозяйственный, эти же товарищи в ЦК предлагали восстановить Главвод, чтобы сохранить какое-то равновесие. Разве это была «хозяйственность»? Если вы такие хозяйственники, то вы, которые ранее указывали, что нельзя восстанавливать Главвод, которые уничтожали его из-за интересов хозяйственных, почему вы, когда дело подошло к внутрипартийным и внутри-профессиональным расхождениям, пожертвовали методами хозяйственными и готовы были восстановить Главвод? Вы, которые говорили, что 2—3 месяца нельзя распустить Политвод, вы говорите теперь, что в этом отношении нет разногласий! Нет, настоящие разногласия были именно здесь.

Мы в Центральном Комитете говорили и говорим: что было, то было! Мы берем на себя за это ответственность. Конечно, кое в чем мы все переборщили, никто не будет против этого спорить. Сейчас надо взять курс на рабочую демократию, на усиление профсоюзов, надо дать союзам все, что партия может им дать, надо прекратить чрезмерный на них «нажим», надо отдать работников профсоюзам, надо заставить военное ведомство поделиться с профсоюзами материальной частью.

В связи с этим стоит вопрос об огосударствлении союзов. Тов. Троцкий в тезисах говорит (я читаю из брошюры тов. Троцкого «Роль и задачи профсоюзов», на стр. 24):

— «Совершенно недопустимо превращать огосударствление союзов в заоблачную «конечную цель», остающуюся без всякого

влияния на сегодняшнюю практику, в сфере которой именно поэтому и возрождаются трэд-юнионистские тенденции».

Что это значит?

Требует ли тов. Троцкий немедленного огосударствления союзов? Пусть он скажет это прямо! Требует ли тов. Троцкий ускорить темп развития в сторону огосударствления? Пусть он и это скажет прямо! К чему туманная фраза о «заоблачной» конечной цели?

Ведь по Троцкому выходит, что из-за того, что мы не огосударствливаем профсоюзов, у нас будто бы развивается трэд-юнионизм! Но ведь это же вопиющая неправда. Трэд-юнионизма у нас нет. Как раз наоборот. Если бы мы вздумали сейчас же огосударствить союзы, мы этим как раз помогли бы меньшевикам, т.-е. трэд-юнионистам.

А мы говорим прямо: мы против немедленного огосударствления, мы против даже искусственного ускорения и форсирования этого процесса. Это мешает союзам быть школой коммунизма. Объяснимся в самом деле. Что, у нас мало государственных органов? Вздор! У нас государственных организаций сколько угодно, с избытком. Мы сами на днях констатировали, что не очистили еще нашу государственность от бюрократизма. Что мы видим в рабочем классе России? Пятьсот тысяч членов партии на 7 милл. членов профсоюзов! Не забудьте этих цифр. Это гигантская масса беспартийных рабочих, связанных при этом наполовину с деревней. Когда и где мы будем их учить? Поспешное огосударствление не поможет, а мешает этому.

Я получил недавно нелегальный листок — проект устава нелегальных профсоюзов, которые хотят устраивать правые эс-эры. Они сорвутся, конечно, на этом. Но как вы думаете, если мы тотчас же сделаем союзы официально государственными, затрудним ли мы этим правым эс-эрам устраивать свои нелегальные профсоюзы или, напротив, поможем? Я уверен, что поможем, и каждый товарищ с мест скажет, что поможем. (Голоса с мест: Совершенно верно.) Чего же нам торопиться с огосударствлением? Разве над нами в этом отношении каплет? Почему надо немедленно идти к огосударствлению профсоюзов? Ученики тов. Троцкого, конечно, его понимают буквально. Вот предо мною статья одного из главных деятелей централа тов. Бумажного («Экономическая Жизнь», от 2 декабря 1920 г.), в которой этот това-

рид прямо проповедует «деловое огосударствление». А мы говорим, что это нам не нужно. Все нужные нам органы власти в наших руках. В лице профсоюзов нам нужна наиболее гибкая и свободная организация, которая нам обеспечивала бы максимальный успех в деле воспитания рабочих. Вот что нужно! Нужна такая организация, которая постепенно переваривала бы шесть с половиною миллионов беспартийных членов профсоюзов, ибо — повторяю — в профсоюзах шесть с половиною миллионов беспартийных и только полмиллиона партийных. Нам нужна наиболее непринужденная и свободная работа той громадной «школы» коммунизма, в которой «обучаются» семь миллионов «учеников». Все, что этому помогает, все, что это облегчает, то свято. Что этому мешает — то долой! А мешает, несомненно, немедленное огосударствление. В наших руках все средства дать союзам возможность играть большую роль в производстве. Это мы должны сделать. Но огосударствливать союзы? — лучшего подарка эс-эрам и меньшевикам мы не можем сделать! Это не значит, что союзы «независимы». Неправ тов. Рязанов ⁽¹⁴⁾ (Рязанов: Никогда не говорил, милый мой, не верьте), когда гнет в этому. Несомненно, тов. Рязанов гнет к этому и явно неправ. Профсоюзы должны поддерживать открыто Коммунистическую партию и пролетарскую диктатуру. Но в то же время мы должны самым решительным образом отвергнуть предложения, которые толкают на то, чтобы сейчас огосударствливать профсоюзы или форсировать процесс огосударствления.

Во всех своих тезисах тов. Троцкий абсолютно забывает роль союзов как школы коммунизма. На стр. 8-й своей брошюры «Роль и задачи» тов. Троцкий в его тезисе 7, например, пишет:

— «То, что составляло существо профессионального союза в буржуазном обществе, отпало: в рабочем государстве профессиональный союз не может вести классовой экономической борьбы».

Тов. Троцкий ошибается и насчет экономической борьбы. Но оставим пока этот вопрос открытым. Я спрашиваю тов. Троцкого: да разве в буржуазном обществе союз только ведет экономическую борьбу? А куда девалось революционное просвещение и воспитание масс, т.-е. школа коммунизма?

Для тов. Троцкого эта функция союзов не существует.

Я утверждаю, что приведенная мною формулировка тов. Троцкого неверна теоретически. Когда тов. Троцкий говорит, что все то, что составляет «существо профсоюзов в буржуазном обще-

стве», отпало в рабочем государстве, — это неверно. Нет, не все отпало, тов. Троцкий, совсем не все. Тов. Троцкий неправ, когда много раз говорит, что профсоюзы в буржуазном государстве несомненно носят трэд-юнионистский характер. Неверно и это! Так смотрят только оппортунисты. Революционное крыло профессионального движения всегда говорило, что и в рамках буржуазного строя у союзов есть, несомненно, боевая задача: подготовка (вместе с партией) пролетарской революции. Неправ тов. Троцкий, когда говорит, что теперь все это «отпало». В Советской России отпала необходимость стачки, необходимость острой классовой борьбы в прямом смысле слова. Да! Но я спрашиваю: то, что составляет по меньшей мере 50% деятельности каждого союза — элементы школы коммунизма — это отпало? — Нисколько! Это осталось и в нынешнем профессиональном движении в Советской России. Эта задача осталась целиком. Мы ее еще даже не начинали серьезно выполнять. Когда у нас на 120 милл. населения 500.000 членов партии и 7 миллионов плохо организованных членов профсоюзов, разве мы начали серьезно дело? То, что мы сделали до сих пор, это капля в море. Раз у нас на 7 миллионов членов профсоюзов 6 с половиною миллионов беспартийных, то это значит, что мы к работе только приступаем. Эта основная работа присуща каждому пролетарскому профсоюзу, — в том числе и современному профсоюзу в Советской России. Тов. Троцкий эту задачу просто игнорирует. Он повторяет только слова «производство», «производственный», «для производства» и т. п. Само собою понятно, если и в дальнейшем будут произноситься только одни слова о производстве, то этим самым дело профсоюзов наших не улучшится, и производительность не увеличится.

Когда тов. Троцкий в тезисе 27 на стр. 23 его брошюры советует нам создать «в союзах и во всей стране производственную атмосферу» (!), мы, грешные, думаем, что эти напыщенные слова об «атмосфере» совсем ни к чему. Совершенно так же, как неуклюже и чисто по-интеллигентски звучат слова в тезисе 19 на стр. 17 брошюры Троцкого о том, что «только взаимооплодотворение (!) этих двух точек зрения создает психологическую основу для организационного сращивания параллельно существующих аппаратов».

Я беру на себя смелость сказать, что это только слова, слова, слова...

Тов. Троцкий и его единомышленники хотят дать союзам большую роль в производстве. Это хорошо. Но за это они хотят сначала «перетрихнуть» союзы сверху, прочистить их «с песочком», как выразился в одной речи тов. Троцкий, говоря о хозяйственных органах. Во имя того, что союзы в будущем станут играть большую роль в производстве, их хотят в настоящем... немножко уничтожить. Это явно неверная тенденция, губительная и для нашей партии и для профсоюзов.

Теперь я перейду к разногласиям непосредственно в ЦК нашей партии. ЦК поставил этот вопрос впервые 8 ноября. Раньше мы только ходили вокруг да около этого вопроса. Но к 8 ноября он уже достаточно созрел. Он стал в связи с 5-й Всероссийской конференцией профсоюзов, где выступал тов. Троцкий, а затем я. На пленуме ЦК 8 ноября было предложено два проекта — тезисы тов. Ленина и тезисы тов. Троцкого. Разрешите огласить протокол пленума ЦК нашей партии. Цитирую:

— «1) Принять за основу тезисы, предложенные тов. Лениным (8 гол. за, 4 против), тезисы тов. Троцкого (7 гол. за, против 8). -

«В п. тезисов тов. Ленина об ударности вставить примечание о том, что ударность в смысле соблюдения хозяйственного плана сохраняется.

«Сдать тезисы тов. Ленина для составления на основе их резолюции в комиссию из т.т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и Томского».

Затем происходит заседание этой комиссии. Затем ЦК постановляет (цитирую протокол):

— «Выработанный комиссией текст резолюции утвердить с поправкой (принято против т.т. Троцкого, Крестинского, Рыкова, Андреева ⁽¹⁵⁾), при воздержавшемся тов. Преображенском).

«Уполномочить тов. Ленина докладчиком на конференции. Запросить всех отсутствующих членов их голоса по вопросу о резолюции.

«Комиссию, предусмотренную в п. 6 резолюции, назначить в составе: т.т. Зиновьева, Томского, Троцкого, Рудзутава и Рыкова. Председательствование в комиссии и созыв ее поручить тов. Зиновьеву».

Принятая резолюция содержит те взгляды, которые я разделяю и до сих пор. После этого 9-го числа состоялось совещание 10 членов ЦК, которое обсуждало вопрос о создавшемся

положении и которое сделало попытку ликвидировать разногласия, не вынося их за пределы ЦК, сталкиваясь в комиссии, организованной ЦК. В протокол ЦК записано (цитирую протокол):

«Принять следующую резолюцию:

«Собравшиеся 10 членов ЦК, обсудив итоги пленарного заседания, пришли к следующим выводам:

«1) Создав комиссию в составе 5 чекистов с участием Рыкова и Троцкого для детального обсуждения вопросов продвижения, ЦК признал, что вопросы, поднятые на профконференции, еще требуют дальнейшего обсуждения, которое может привести к устранению ряда имеющихся в данный момент разногласий среди членов ЦК.

«2) Что поэтому, впредь до окончания работ комиссии, нежелательно выносить на широкое обсуждение разногласия, наметившиеся в ЦК.

«3) Доклад Ленина отменить, назначив докладчиком Зиновьева, обязав его сделать деловой, не полемический доклад.

«4) Запретить другим членам ЦК выступать, кроме членов президиума».

Это, стало быть, была попытка задержать разногласия в пределах ЦК, попытка, которая, разумеется, отчасти связывала руки меньшинству, т.-е. в данном случае тов. Троцкому, чем, конечно, он остался недоволен. ЦК создал достаточно широкую и авторитетную комиссию, где, надеялись, возможно будет достигнуто соглашение. Во время 5-й Всероссийской конференции профсоюзов, по инициативе фракции этой конференции, было решено расширить эту комиссию, и она была дополнена выбранными на фракции представителями различных оттенков — Лутовиновым, Шляпниковым, Андреевым и Лозовским. Мы думали с помощью этой комиссии изжить разногласия. Эта попытка не увенчалась успехом. И я беру на себя смелость сказать, что вина за это лежит на тов. Троцком, который бойкотировал комиссию, не желая принимать участия в ее работах, и который, дважды приглашенный участвовать в дискуссионном сборнике о профсоюзах, где есть статьи многих ответственных товарищей, фактически бойкотировал и это предприятие и сорвал попытку комиссии достигнуть соглашения.

Затем состоялось декабрьское заседание ЦК партии в связи с конфликтом водников. И здесь выступила новая группировка,

которая сама называла себя буферной, группировка Бухарина и Преображенского, которая участвовала раньше в другом дежистском большинстве и которая потом наскоро сочлила среднюю позицию, в которой были склеены кусочки, взятые от той и другой стороны. Однако, резолюция «буфера» была такова, что за нее могли голосовать Троцкий и его единомышленники, а группа членов ЦК во главе с тов. Лениным вынуждена была голосовать против.

«Буфер» разжег разногласия. После того, как тов. Троцкий с помощью «буфера» получил большинство в ЦК, он с особенным увлечением бросился в бой с ВЦСПС, как с мнимым защитником «трэд-юнионизма».

Если бы партия в этом вопросе пошла за тов. Троцким, мы получили бы не увеличение роли профсоюзов в производстве, а раскол между партией, с одной стороны, и профсоюзами — с другой стороны. Тов. Троцкий не находит достаточно резких слов в борьбе с ВЦСПС. А мы говорим: если бы даже ВЦСПС был так плох, как его рисует тов. Троцкий, если бы это даже было действительно так, то и тогда партия должна была понять, что это явление не случайное, и должна была лечить профессиональное движение другими способами, чем этот способ «хирургии». Если и есть отсталость профсоюзов, то это не случайно, это отражение отсталости рабочего класса. Это надо попятить. Но на деле ВЦСПС вовсе не повинен в тех грехах, какие ему приписывают тов. Троцкий. Борьба с ВЦСПС чуть ли не теми методами, которыми мы боролись с меньшевиками, есть коренная ошибка. Нахрапом и наскоком улучшить профдвижение нельзя. Нет, по отношению к профсоюзам мы должны иметь другой подход. И я думаю, что партия эта должна быть осторожной, даже если бы союзы были не так правы, а на самом деле они в этом споре кругом правы. Те выдержки, которые в своей брошюре приводит тов. Троцкий из писаний тов. Лозовского и тов. Томского, говорят не против, а за них. Эти выдержки говорят за то, что они превосходно понимают, что нужна часто и милитаризация, нужен военный аппарат и не нужно расхлябанности. Но, когда они говорят, что с профессиональным движением надо быть бережнее, что нельзя так «дектранствовать», — они правы.

Производственная роль профсоюзов будет подниматься. Для этого нам надо правильно применить резолюции IX съезда на-

шей партии. Надо оказать всестороннюю помощь союзам. Нужно понять, что союзы — это есть 7 миллионов рабочих. Только тогда можно будет серьезно проводить диктатуру пролетариата в крестьянской стране. Нужно, как огня, избегать всего того, что может вызвать малейшее отчуждение между партией и союзами. Нужно дать союзам необходимых им людей и приступить к той работе, которой в союзах непочатый край (бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

Заключительное слово.

О других товарищах, кроме тов. Троцкого, придется сказать совсем кратко. За недостатком времени не удастся также ответить на многочисленные и крайне интересные записки, которые поданы товарищами с мест и на которые я обязательно постараюсь ответить в том сборнике, который мы отнюдь не «кейно» (как говорил тов. Троцкий), а для всей партии, для всей Советской и профессиональной России собираемся па-днях издать.

Тов. Ногину⁽¹⁶⁾ два слова. Мне сдается, что когда наши совнаркозники — вернее, часть из них — внезапно ищут спасения в том, чтобы все производство отдать — на словах! — профессиональным союзам, то они делают это отчасти прямо от отчаяния. Когда они видят, что им мало удастся сделать теми методами, которые практиковались до сих пор, то они бросаются в другую крайность и начинают проповедывать немедленное огосударствление союзов, что делал тов. Ногин. Это к тому же не общее мнение в президиуме ВСНХ. Я рассматриваю это как мимолетное мнение, которое прочных следов не оставит.

Затем тов. Бухарин в своем «буферном» усердии говорит, что надо убить обязательно обоих зайцев, т.-е. соединить нашу позицию с позицией тов. Троцкого. Бухарин гнался, по его собственному выражению, за двумя зайцами. Я просил бы его показать нам хотя бы одного зайца. Поймал ли он его действительно? Разумеется, не поймал и не поймают. Потому что таким путем эклектического «примирения» двух принципов никогда еще не решались серьезные вопросы. Бухарина мы все очень любим, он наш общий Вениамин, ему прощается, когда он иногда говорит и глупости, но не следует злоупотреблять этим правом. В серьезных вопросах нельзя гнаться за двумя зайцами!

Я перехожу к речи главного оппонента тов. Троцкого. Тов.

Троцкий говорит, что Ленин в вопросе о профсоюзах занял выжидательную позицию. Я удивляюсь скромности тов. Троцкого. В самом деле. Ленин в своей речи камня на камне не оставил от тех взглядов, которые защищал тов. Троцкий. После этого выходит тов. Троцкий и говорит: это было «выжидательно». Я спрашиваю тов. Троцкого: что же будет тогда, когда Ленин будет говорить не выжидательно? Нет, товарищ, тут не было ничего выжидательного и не было уклонения от прямых ответов, а был ясный, на диво удавшийся, классически ясный ответ именно на вопрос о профсоюзах, именно на тот вопрос, который стоит перед нами. Троцкий подчеркивал заключительную речь Ленина на VIII съезде советов и просил вас помнить, что Дана выпускали с речью на съезде в «педагогических» целях. Тов. Троцкий как будто намекал на то, что Дана Ленин выпускал, повидимому, для меня грешного. Думаю, что это было не совсем так. Это так же верно, как то, что Ленин произнес нынче «выжидательную речь». Нет, это неверно. Неверно и то, что у нас есть с тов. Лениным сколько-нибудь существенное разногласие в вопросе о рабочей демократии. Тов. Троцкий шутя говорит: Ленин вспомнил о главном элементе рабочей демократии — о дисциплинарных судах. Это, дескать, и не пахнет рабочей демократией. Точно кто-либо из нас отрицал когда-нибудь принуждение! Кстати, когда тов. Ленин говорил о принуждении и убеждении, о сочетании этих двух моментов, он спрашивал потом меня и других товарищей: многие ли поняли, что он метил тут в сторонников тов. Троцкого? Я сказал, что немногие. После сегодняшнего собрания и двух сегодняшних речей тов. Троцкого многие поняли бы, а когда тов. Ленин говорил первую речь, немногие поняли это. В вопросе о демократии ни малейших разногласий между мною и тов. Лениным нет, как бы ни хотелось кое-кому их обпаружить. Я, например, не возражаю против того, что у нас существует учреждение, называемое ВЧК, хотя я отлично знаю, что такое учреждение, как ВЧК, само по себе плохо вяжется с рабочей демократией. Ни на минуту не сомневаясь в этом, я не предложил и не предлагаю упразднить ВЧК, и ни на минуту не возражал против трибуналов и дисциплинарных судов.

Тов. Троцкий требовал от меня, чтобы я кивком головы сказал мое мнение по вопросу о революционных трибуналах на железных дорогах. Но мне незачем было кивать головой, когда

я в членораздельной речи могу сказать свое мнение. Я вам прочитаю выдержку из протокола дектрана от 8 декабря 1920 г., где обсуждался вопрос о реввоенжелдортрибуналах. Там постановлено: признать полезным в дальнейшем их работу и сделать ее подотчетной союзу. Я эту точку зрения вполне разделяю и принимаю. Нам нужно иметь железнодорожные трибуналы и нужно вместе с тем в их работе подчинить их союзу, — настоящему, пролетарскому рабочему союзу, который поможет карать решительной железной рабочей рукой, когда это необходимо, но который не позволит никаких злоупотреблений. Вы видите, что я вполне выступаю за дисциплинарные суды, за ВЧК, так что незачем представлять дело так, что один помнит о дисциплинарных судах, а другой помнит только о рабочей демократии.

Чтобы покончить с рабочей демократией, я вынужден остановиться еще на одном месте выступления тов. Троцкого. Я говорил, что часть членов ЦК пришлось «за волосы» тащить к признанию рабочей демократии. Троцкий опровергал это, но вместе с тем он сказал, что моя позиция в этом вопросе о рабочей демократии ему сильно напоминает остроумное выражение одного из товарищей, который сказал, что я «выбежал из ЦК на улицу и стал спрашивать: а где тут верхи»? Я утверждаю, что всякий серьезный партийный работник уже из одной этой шутки Троцкого поймет, что действительно были и есть члены ЦК, которые, правда, теперь делают хорошую мину при плохой игре, но которых, повторяю, пришлось-таки малость за волосы тащить к рабочей демократии. Откуда эта шуточка у тов. Троцкого? Я могу раскрыть первоисточник. Я не ошибусь, если скажу, что эта фраза взята тов. Троцким напрокат у тов. Сосновского, которому иногда удается красное слово. Я великолепно вспоминаю, как не то на сентябрьской конференции, не то на 5-й конференции профсоюзов после моего доклада тов. Сосновский сказал мне на ухо эту крылатую фразу. Я приводил эту фразу на украинской партийной конференции. И не только тов. Сосновский, но и некоторые члены ЦК говорили в этом же духе. С видом авгугов некоторые «руководящие» товарищи говорили: «мы, конечно, понимаем, что теперь такое положение, когда надо для утешения народа поговорить о демократии, мы понимаем, что вам навязали такую работу. Разделение труда необходимо. Но, конечно, «серьезные» и «деловые» люди знают всему этому цену». Я против этого самым решительным образом протесто-

вал. Я говорил в ЦК, что для такой дипломатии пусть «делопные» товарищи поищут других людей. Я не «выбегал» на улиду, а ставил этот вопрос по прямому постановлению большинства ЦК. Ни одного выступления по этому поводу я без прямого поручения ЦК не делал. Я говорил в ЦК: мы оканчиваем известную полосу в гражданской войне, мы должны теперь серьезно идти на те изменения в партийном режиме, которые необходимы, которые раньше были невозможны, а теперь возможны. Когда некоторые товарищи и теперь употребляют шуточку Сосновского, это мне показывает, насколько «дипломатия» в плохом смысле этого слова пустила корни в некоторых кругах наших партийных товарищей. Эта шуточка сегодня в устах Троцкого обозначает не что иное, как то, что он продолжает смотреть на этот вопрос так, что о рабочей демократии мы говорим для «дипломатии». Тут дело не в том или другом лице, конечно. Я не желаю оспаривать лавры тов. Преображенского, который, по мнению тов. Троцкого, раньше меня поставил вопрос о рабочей демократии. Пусть будет так. Вовсе не в том дело. Я утверждаю, что большинство членов ЦК ставило вопрос о рабочей демократии серьезно, а не для того, чтобы кричать «ловите вора», как изображают это Сосновский и Троцкий. Письмо, выпущенное в начале августа Центральным Комитетом партии написано в главной части мной ⁽¹⁸⁾. ЦК одобрил его. Оно впервые официально поставило новую проблему в партии. Далее, мы ставили этот вопрос на сентябрьской Всероссийской конференции, на Украинской партийной конференции, на Петроградской и на других конференциях. И я в этом решительно ничего худого не вижу. Я не считаю, чтобы это было одной из плохих страниц моей партийной деятельности и деятельности других членов ЦК, которые это поддерживали. Надо было партии сказать, что новые задачи встали. Никакие шутки тут тов. Троцкому не помогут. Наша партия выросла. Почти каждый уездный комитетчик теперь великолепно знает и понимает положение. Им не надо загадочной картинки — «где сидит бюрократ»? Я надеюсь, что больше никогда к этому вопросу о «дипломатии» мне не придется возвращаться и не придется доказывать, что от такой «дипломатии» пора отказаться.

Теперь вернемся непосредственно к вопросу о профсоюзах. Тов. Троцкий в своем заключительном слове к своей первой речи сказал «не в виде упрека», что тов. Ленин смешивает профес-

сиональное движение с рабочим классом. Тов. Троцкий говорил прямо о «так называемых организованных массах металлистов» и других рабочих. Он говорил это потому, что он не знает близко профессиональных союзов. Я должен здесь отметить: он их не знает не по своей вине, но по той причине, что он был занят другими делами, военными делами. Но не надо говорить о том, чего не знаешь. Тов. Троцкий говорил о том, что профсоюзы наши только приписывают своих членов механически. Но и это не совсем верно. Это далеко не всегда так. Тов. Троцкий очень красноречиво говорил об «акте» вхождения рабочего в профсоюз в капиталистических странах, о том, что там это вхождение является «эпохой в жизни» каждого рабочего, а у нас, дескать, нет. Мне дал тов. Томский нормальный устав профсоюзов, где вы в § 5 читаете, что на фабриках и заводах зачисляют в члены союзов по специальному постановлению общего собрания рабочих. Это уже не так плохо. Я не выступаю здесь адвокатом профсоюзов. Они в этом не нуждаются. Но не надо охаивать союзы. Возьмите статистические данные губернских и уездных съездов профсоюзов, они нисколько не уступают статистике уездных и губернских съездов Советов.

Товарищи Троцкий и Бухарин много шутили здесь по поводу «похоронных бюро». Это чисто интеллигентская психология.

Когда мы победили буржуазию, когда мы взяли в свои руки власть и все-таки так мало еще могли дать рабочему классу улучшений его жизни, мы должны особенно дорожить той его организацией, которая хотя бы в малейшей степени может рабочему помочь в его повседневном быту, в мелочах. И по какому поводу тут смех и почему это не самая теснейшая связь союзов с рабочей массой, когда жена текстильщика и со своим горем, и со своей радостью идет в союз текстильщиков, а мать металлиста — в союз металлистов?

Это совсем не то же самое, как шутил тов. Троцкий, что к Бадаеву⁽¹⁹⁾ ходят за пайком еще больше, чем в союзы, и, значит, у него связь с массами лучше. Нет, тов. Троцкий, это побольше даже, чем та связь с массами, которую, по вашим словам, имеет тов. Сосновский, как редактор «Гудка». Смеяться надо было над «похоронными бюро», когда Легин, который вчера помер, и другие оппортунистские вожди профсоюзов пытались, в угоду буржуазии, всю революционную деятельность профсоюзов заменить взаимопомощью в деле похорон и т. п. А у нас

в Советской России вопрос стоит иначе и смеяться нечего. Союзы у нас хромают на обе ноги. Верно! А партия разве не хромает? А Советы не хромают? После IX Съезда партии мы вместо того, чтобы дать союзам работников, отняли у профсоюзов новых 5.000 работников. Так почему же мы сейчас предъявляем им вексель?

Тов. Троцкий говорил, что резолюция IX съезда писана в другую эпоху. Неверно! Почему теперь эпоха другая? И какая эпоха была в то время? IX съезд был в марте 1919 года, когда мы победили Деникина и Колчака и были близки к окончанию гражданской войны и хотели приняться именно за хозяйственную работу. Эпоха была такая же. Нам только помешали Врангель и наступление Польши ⁽²⁰⁾. Теперь задача перед нами в основном такая же. При чем тут новая эпоха? По моему, как раз та же эпоха, которая была во время IX партийного съезда. Конечно, мы не должны стоять на месте, и когда вы нам дадите новое, мы примем его. Но где ваша новизна? Вы предлагаете, чтобы часть членов президиума ВЦСПС была одновременно членами президиума ВСНХ. Хорошо! У нас и сейчас тов. Рудзутак — член обоих президиумов. Тов. Троцкий говорил, что надо, чтобы эти люди одновременно и регулярно работали и тут и там. Но это физически невозможно. Вот почему резолюция IX съезда партии в основе остается правильной, а вы, обещая море зажечь, либо говорите неверные вещи, либо предлагаете мелочи.

Я еще забыл процитировать другую, более раннюю, книжку тов. Троцкого «Производственный союз железнодорожников и задачи транспорта» ⁽²¹⁾, где вы найдете бездну неточностей. Когда тов. Троцкий в этой книжке на стр. 3 говорит, например, что теперь надо, как он выражается, «из человеческих элементов, из железнодорожных работников создать организацию, непосредственно приспособленную для управления транспортом» (курсив мой), я говорю — это неверно: именно не «непосредственно» и не прямо для «управления»! И когда там есть указание на то, что железнодорожники должны быть хозяевами железных дорог, то это неверная формулировка, как уже указывал в ЦК тов. Ленин. Когда тов. Троцкий дальше на стр. 3 говорит о превращении «союза железнодорожников в аппарат прямого и непосредственного (курсив паш—Г. З.) управления транспортом», он опять неправ. Именно не прямого и не непосред-

ственного! Мы не можем сказать, что прямое и непосредственное управление железными дорогами должно принадлежать профессиональному союзу. Куда денутся тогда наши хозяйственные центры? Мы тоже недолюбливаем бюрократизм главков и ведомств, но мы не должны забывать, что главки не с неба свалились.

Наши главки и центры отчасти выросли из прежних трестов и синдикатов, у которых была и сильная сторона. Это было единственное место, где мы, придя к власти, застали хоть некоторый учет, статистику, аппараты во всероссийском масштабе и т. п. Это надо ценить. Мы многое переделали на свой лад. Мы радикально переделаем и главки, орабочив их. Но просто выбросить их нельзя. Мы понимаем «сращивание» как процесс, идущий одновременно и снизу и сверху. Сказать, что мы отдаем сейчас союзам «прямое» и «непосредственное» управление производством, значит сказать только фразу. Сторонники этих «радикальных» мер на словах союзам обещают все, на деле не дают им ничего, кроме «перетряхивания» сверху и протиравия «с песочком». «Непосредственно» и «прямо» нельзя отдавать все дело управления транспортом в руки союза железнодорожников. Тогда надо провозглашать лозунг «вся власть союзам», как провозглашают некоторые синдикалисты во Франции.

Мы в Петрограде послали для «сращивания» 300 человек ответственных работников на фабрики и заводы. Это побольше, чем посадить три человека на смежных креслах. Мы имели там целый ряд прекрасных делегатских собраний рабочих отдельных производств и крупных заводов, где вместе с союзами мы обсуждали не «текущий момент», а исключительно производственные вопросы. Тов. Троцкий многократно подчеркивал, будто я подхожу к вопросу только с агитационной точки зрения. Может быть, я в самом деле в этом повинен. Но если на то пошло — у тов. Троцкого профессия, близкая к моей, он тоже агитатор; если бы мы вздумали приписаться к профсоюзу по своей профессии, то нам надо было бы вступить в один и тот же профсоюз. Я несколько не стыжусь того, что принадлежу к этому «цеху». Я на днях читал в одной заграничной белогвардейской газете, что в России у большевиков есть человек пять, которые «переговорили» всю Россию. И я был польщен, когда среди этих пяти человек я увидел и свою фамилию. В этом списке пяти мы стоим рядом с тов. Троцким. Агитировать, разъяснять рабочим мы будем и впредь. Но вместе с тем, в Петрограде,

где мне приходится работать и как организатору, мы первые устроили целый ряд хозяйственных делегатских собраний и ставили там с успехом практические производственные вопросы гораздо раньше, чем были тезисы тов. Троцкого. Мы не отпечатали еще тезисов, потому что мы не работаем с такой паровой быстротой, как Цектрап. Этой быстроты мы не проявили, но в деле организации делегатских собраний по производствам мы были первые. То же мы будем делать и впредь. Чем же это не поднятие производственной роли профсоюзов?

Тов. Бухарин, задиравший Троцкого, еще употреблял сравнение из прачешной, говорил насчет «перемывания грязного белья» и т. д. По моему, здесь не было сегодня никакого грязного белья. Все ораторы говорили о высоко принципиальных вопросах. Незачем запугивать партию «грязным бельем». Вопрос надо разрешить по существу. Не всякому дано так легко совместить две несовместимых точки зрения, как тов. Бухарину. Мы нисколько не боялись дискуссии, когда мы вместе с тов. Лениным упрекали тов. Троцкого в том, что он не пошел в назначенную ЦК комиссию, что он бойкотировал ее. Это не потому, что мы хотели «келейности», как сказал тов. Троцкий. Нисколько! Но мы хотели предварительного делового столкновения. Тов. Троцкий сорвал решение ЦК, считая, очевидно, что мы неправы. Это его дело. Мы не раскаиваемся по поводу того, что поставили теперь этот вопрос на широкую дискуссию. Мы не допустим, чтобы над профессиональным движением, которое объединяет 7 миллионов рабочих, производилась кухонная стряпня даже из того авторитетного учреждения, которое именуется Оргбюро ЦК. Этого больше быть не может и не должно быть. Профессиональное движение имеет свои особые крупнейшие задачи. Надо это понимать. Надо суметь чутко прислушиваться к тому, что внутри профессионального движения происходит. У нас есть такие отдельные товарищи, которые иногда воображают, что и впрямь можно было бы заменить чуть ли не все учреждения одним Оргбюро; тогда, дескать, все шло бы тихо и гладко, все бы слушали свое начальство, никто бы не потрясал основ, а разделение труда было бы такое, что Оргбюро постановляет, а другие учреждения выполняют. Так дело не пойдет. Партия терпела или, вернее, не терпела, а признавала необходимость военный нажим в обстановке тяжелой гражданской войны. Партия добровольно возлагала на себя эту военную дисци-

плину. Партия сохранит строжайшую дисциплину и впредь. Но партия не потерпит — и хорошо сделает, если не потерпит — ни одной лишней минуты затяжки исключительного режима в такое время, когда это не диктуется уже интересами дела, а диктуется только рутинной.

Мы поставили перед партией вопрос о профсоюзах, и он не сойдет уже с очереди до X съезда. Вы на местах обсудите вопрос и, я думаю, сумеете отделить ясное и верное от неясного и неверного. Центральный Комитет хотел созвать съезд партии уже в феврале для ускорения решения. Съезд пришлось на несколько недель опять отложить и в результате требования главным образом сибиряков и др. делегатов, которые ссылаются на дальность расстояния. Партийный съезд будет все-таки скоро, и на этом съезде мы тщательно обдумаем нашу линию и поставим дело так, чтобы ни в какой мере не могло бы создаться ни малейшей трещины между партией и профессиональным движением.

Профессиональному движению обеспечено громадное будущее. Я пользуюсь случаем, чтобы напомнить вам, что на ближайшее время назначена неделя профсоюзов — от 15 февраля по 22 февраля. Вы должны ей содействовать. Я напомним, что в той инструкции, которая выпущена по этому поводу ВЦСПС, дается лозунг: «через союзы овладеть производством!» Вот вам мнимый «трэд-юнионизм», «меньшевизм» и «каутскианство» нашего ВЦСПС. Инструкция призывает к широкой пропаганде целей и задач профессионального движения. Надо в каждом городе сделать то, что сделано в Питере для профсоюзов, — дать им дома, работников, моральную поддержку, созывать производственные конференции, созывать делегатские собрания, понять не на словах, а на деле, что важнейшей базой пролетарской диктатуры в Советской России являются его пролетарские профессиональные союзы (бурные аплодисменты).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹⁾ «Пролетарий» — см. Г. Зиновьев, Собр. соч., т. I, стр. 159, прим. 21-е.

²⁾ Калинин, М. И. — см. Г. Зиновьев, Собр. соч., т. VII, ч. 1-я стр. 68, прим. 2-е.

³⁾ Богданов, А. А. («А. А. Малиновский», «Рядовой», «Н. Максимов»). — Революционную деятельность начал в 90-х г.г. в с.-д. кружках г. Москвы. В 1900 г. за принадлежность к ним был арестован и сослан в Вологодскую губ. После 2-го съезда партии примкнул к большевикам.

Участник Стокгольмского съезда РС-ДРП (в 1906 г.); на съезде был избран в ЦК от большевиков. В конце 1905 г. был одним из редакторов «Новой Жизни», издававшейся большевиками. В начале 1906 г. был арестован, но вскоре освобожден. В том же году, будучи во главе так называемых «левых» большевиков, образовал фракцию «бойкотистов» и продолжал проповедывать бойкот Гос. Думы тогда, когда эта идея была уже политической ошибкой. Участник Лондонского съезда; был выдвинут кандидатом в редакцию ЦО, но был забаллотирован. Позднее входит в состав редакции «Пролетария». На декабрьской конференции 1908 г., когда большевики настаивали на постепенном исправлении политической линии с.-д. фракции в 3-й Гос. Думе, А. А. Богданов требовал от имени партии поставить ей ультиматум в беспрекословном подчинении директивам партии и, если она не подчинится ему, не изменит своей тактики, — отозвать из Гос. Думы членов партии («ультиматизм», «отзовизм»).

В 1909 г., вместе с Алексинским, Горьким и Луначарским, организовывает на острове Капри партийную школу, где читает лекции по философии. К этому же времени относится и издание им, опять-таки с той же группой, журнала «Вперед», где Богданов помещает свои философские статьи, в которых пытается создать собственную философскую систему (эмпириомонизм), родственную Маху и Авенариусу. На партийном совещании в Париже в 1909 г. Богданов, равно как и его сторонники, был исключен из партии. Во время разногласий внутри группы «Вперед» (в 1913 г.) вышел из последней и совершенно отошел от партийной деятельности. Автор ряда книг по философии и экономике. Особенно известен его «Краткий курс экономической науки», а также (совместно со Степановым) четырехтомный «Курс политической экономии». В последние годы своей жизни Богданов отошел от политической деятельности, целиком отдавшись научной работе в основанном и возглавленном им институте переливания крови. Умер в 1928 году от заражения крови, явившегося результатом опасного научного опыта.

⁴⁾ Первая конференция профессиональных союзов — третья по счету; состоялась в июне 1917 г. На ней было представлено 967 союзов, 51 центральное бюро и около полутора миллионов членов. На этой конференции прошли меньшевистские резолюции и образован первый ВЦСПС.

Первая Всероссийская конференция профсоюзов происходила в октябре 1905 г., а вторая — в феврале 1907 г. К началу 1907 г. в России числилось 652 союза, с числом членов свыше 245.000 чел.

⁵⁾ Точная цифра 6.970.000.

⁶⁾ Декабрьская резолюция пленума ЦК РКП о Цектрале — см. приложение 7-ое.

⁷⁾ Брошюра Г. Зиновьева «От войны к хозяйству (Новые задачи нашей партии)» представляет собою речь, произнесенную 22 января 1920 г. на общем собрании членов партии, кандидатов и сочувствующих Петроградского района в г. Петрограде (Петроград. ГИЗ. 1920).

⁸⁾ Гуревич — видный деятель союза железнодорожников в 1920 г., участник 5-й конференции профсоюзов в том же году, сторонник тезисов Цектрала.

⁹⁾ Рухлов, С. В. — министр путей сообщения в 1909 г., давший в годы реакции широкий приют на железных дорогах черносотенцам; отсюда — рухловщина.

¹⁰⁾ Сосновский, Л. С. — журналист, в партии с 1904 г.; в 1912—14 гг. сотрудник «Правды», в Октябрьскую революцию — редактор ряда газет («Гудок», «Беднота» и т. д.). Во время профдискуссии — сторонник т. Троцкого.

¹¹⁾ Буденный, Семен Михайлович — крестьянин. Во время империалистской войны 1914—17 гг. был вахмистром в одном из кавалерийских полков, позднее, в Февральскую революцию, — председатель дивизионного комитета, а после Октябрьской революции — организатор красной кавалерии. В годы гражданской войны последовательно занимал должности от командира полка до командующего 1-й конной армией (1919 г.). Кавалер ордена Красного Знамени. С 1921 г. — член Революционного Военного Совета Северо-Кавказского военного округа. Буденновская кавалерия в гражданскую войну, особенно на юге, сыграла решающую роль в победе над белогвардейцами; ей же Демьян Бедный посвятил известный марш «Красная кавалерия», который сейчас поется во всех уголках Советской России. Как историческая личность, Буденный является героем многих беллетристических произведений не только наших, но и белогвардейских писателей (напр., в романе неизвестного генерала П. Краснова «Понять — простить»).

¹²⁾ Первое наступление на Петроград было совершено в мае 1919 г. так называемой Северо-западной армией ген. Родзянко и Юденича. Противник, прорвав фронт 7-й армии между Нарвой и Гдовом, занял Ямбург и Псков и начал быстрое продвижение к Петрограду, Гатчине и Луге. Это продвижение армии Юденича было тесно связано с контр-революционным заговором, во главе которого стоял начальник штаба 6. полковник Люндеквист, который всячески содействовал Юденичу. Предполагалось к моменту последних подступов белогвардейцами совершить восстание внутри Петрограда. Однако, заговор был раскрыт, и заговорщикам удалось только сдать белогвардейцам Красную Горку, которая вскоре же была взята отрядом красных моряков. После этого наступление было ликвидировано.

Второе наступление Юденича было начато 28 сентября 1919 г., когда он нанес частичное поражение частям, защищавшим подступы к Луге и Пскову. 11 октября Юденич захватывает Ямбург и быстро продвигается к Гатчине и Струги-Белые, которые и занимает 17 октября. 18 октября на Петроградском фронте создается серьезное положение: части ген. Родзянко находятся в 15 верстах от Октябрьской ж. д. Захват последней дал бы возможность Юденичу овладеть Петроградом. 19 октября наши части отошли к предместью Лигово. Петроград начал, по постановлению Петроградского Совета, готовиться к внутренней обороне. 20 октября армия Юденича занимает Детское Село, а в ночь на 21-е наступает на Пулковские высоты, с целью прорваться в Петроград. Здесь происходит кровопролитный бой, в котором белогвардейскими частям был нанесен первый тяжелый удар. Противник, упорно обороняясь, начал быстрое отступление, завершившееся полным разгромом его в начале ноября 1919 г.

¹³⁾ Лутовинов, Л. Х. (1887—1924 г.г.) — рабочий, большевик; революционную деятельность начал в 1904 г., главным образом — на юге. Во время оккупации немцами Украины в 1918 г. — член нелегального ЦК Коммунистической партии Украины. Позже — член ЦК металлистов, а с 1924 г. до самой смерти — член президиума ВЦИК'а. Во время профдискуссии был сторонником «рабочей оппозиции». В 1924 г. покончил жизнь самоубийством.

¹⁴⁾ Рязанов, Д. Б. — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 221, прим. 4-е.

¹⁵⁾ Андреев, А. А. — рабочий, металлист; революционную деятельность начал в 1914 г. В годы войны работал в партийных организациях и больничных кассах, являвшихся тогда местными партийными центрами. Во время февральской революции — член Петроградского Комитета большевиков и член правления петроградского союза металлистов. В 1918 г. — председатель уральского бюро металлистов, областной комиссар труда и член Областного Совета. В 1919 г. — член Южбюро ВЦСПС. Во время дискуссии стоял на позиции т. Троцкого. На десятом съезде РКП был избран в состав ЦК, членом которого состоит и до сих пор. В 1925 г. — секретарь ЦК РКП, в 1926 г. член президиума ВЦСПС и председатель ЦК железнодорожников.

¹⁶⁾ Ногин, В. П. — см. Г. Зиновьев. Собр. соч., т. VII, ч. 1-я, стр. 85, прим. 5-е.

¹⁷⁾ VIII съезд советов происходил 22—29 декабря 1920 г. в Москве.

¹⁸⁾ Августовское письмо ЦК РКП о профсоюзах — см. прилож. 8-е.

¹⁹⁾ Бадаев, Алексей Егорович — рабочий, слесарь; род. в 1883 г. В 1914 г. примкнул к большевикам; пользовался большой популярностью среди питерских металлистов. На выборах в 4-ю Гос. Думу был выдвинут Петербургским Комитетом в с.-д. фракцию ее. В конце 1914 г. был арестован царским правительством за агитацию против войны и в феврале 1915 г., вместе с другими депутатами-большевиками, был осужден на каторгу. Февральская революция освободила его из Сибири. Во время выборов (сентябрь 1917 г.) был выдвинут Центральным Комитетом нашей партии кандидатом в Учредительное Собрание. После Октябрьской революции — деятель советской кооперации. В 1918 г. — председатель Петрокоммуны, позднее, после реорганизации потребительской кооперации, — председатель ЛСПО. Член ЦК РКП.

²⁰⁾ 25 апреля 1920 г. Польша, пользуясь своим значительным превосходством на украинском фронте, повела наступление в киевском и одесском направлении. 6 мая поляки заняли Киев. Наступлению Польши в значительной мере способствовали савинковские белогвардейские отряды и измена двух бригад юго-западного фронта. На наступление поляков Красная армия ответила контр-наступлением. 14 мая наши части прорвали польский фронт в полоцком направлении и начали быстрое продвижение внутрь Польши. 17 августа Красная армия ведет упорные бои под Варшавой. Однако, польская армия, пополненная свежими силами, поддержанная Францией, оказывает упорное сопротивление, которого наши истощенные части не выдерживают, и уже 20 августа Красная армия начинает отход. 17-го августа в Минске начинаются русско-польские мирные пере-

говоры, которые в сентябре месяце переносятся в Ригу. 12-го октября был подписан договор о перемирии и предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой.

По этому договору признавались независимость Украины и Белоруссии, взаимный суверенитет, отказ от внутреннего вмешательства и от возмещения военных расходов. Польша отказывалась от поддержки контрреволюционных организаций Врангеля, Петлюры и Савинкова, обязывалась обменяться заложниками и объявить взаимную амнистию, взамен чего получила вознаграждение в размере 59 милл. руб. за имущество, вывезенное из Польши, начиная с 1-го августа 1914 г. Окончательный мирный договор, в основу которого были положены статьи предварительного, был подписан в Риге 18 марта 1921 г.

²¹⁾ Брошюра Л. Троцкого «Производственный союз железнодорожников и задачи транспорта» вышла в издании Литотдела Главполитпути в 1920 г. и представляет собою доклад т. Троцкого на 2-м Всероссийском съезде профессионального союза железнодорожников 21 июля 1920 г.